

Однажды мы придем за тобой

Автор:

Олег Рой

Однажды мы придем за тобой

Олег Юрьевич Рой

Изгой. Романы Олега Роя

Чего можно достичь в том возрасте, когда ты чувствуешь себя взрослым, а к тебе относятся как к подростку? Поль МакДи, талантливый компьютерщик, вынужден подрабатывать, развозя товары. Микеле Солариано прирожденный изобретатель, но взламывает автомобильные системы и угоняет дорогие тачки. Красавица-модель Летиция Лафлер участвует в самых громких показах, но мечтает стать невидимкой. Фридрих Вайсманн обладает огромной внутренней силой, но с детства парализован и прозябает в монастыре, построенном кармелитами. Что объединяет этих, казалось бы, разных подростков, живущих далеко друг от друга? Все они – люди нового поколения, и у каждого есть своя необычайная способность. На них объявлена охота, но знает ли охотник, какую угрозу для него представляет жертва? Кто отомстит за тех, кому вы не дали любви?

Олег Рой

Однажды мы придем за тобой

© Резепкин О., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Благодарность

Автор выражает благодарность редактору Битанову Алексею Евгеньевичу (АКА Алекс Вурхисс) за помощь в работе над миром серии романов.

Часть 1

Генерация персонажей

Поль МакДи : Джинн из бутылки

Твоя погода – дождь,

Твоя дорога – лужи,

Такой, какой ты есть,

Системе ты не нужен.

Ты можешь стать лучше,

Ты можешь быть хуже,

Такой, какой ты есть,

Системе ты не нужен...[1 - Здесь и далее стихи Алекса Вурхисса.]

Есть вечные вещи, от которых люди никогда не избавятся. Не, не так. От которых человеку не придет в голову избавляться. И опять не то... не знаю, как сказать. Например, хип-хоп. Говорят, это недавнее изобретение. Вроде бы придумали его всего сто лет назад. Но мне как-то не верится. Странно даже представить, что когда-то в мире не было хип-хопа. Может, он просто по-другому назывался, кто знает... я в истории не силен.

С другой стороны, компьютеров, например, тоже когда-то не было... Даже страшно подумать! Как скучно жили люди... ни компа, ни хип-хопа. А это единственные вещи, которые я по-настоящему люблю.

Погода, как назло, прямо как в песне, которая сейчас у меня в наушниках. Поздняя осень у нас в штате не очень приятное время. Дожди как с октября зарядили, так и фигают напропалую. На такой дождь приятно смотреть из окон собственной гостиной, сидя перед камином и потягивая грог. Так говорит ма'бэби[2 - Ма'бэби – моя девушка, гёрлфренд; молодежный сленг США.]. Ну ей ли не знать, у нее коттедж есть и даже камин в гостиной. У меня ни фига подобного, не назовешь же коттеджем похожее на деревянный сарай одноэтажное бунгало, которое родители получили в подарок от штата в связи с рождением Поля МакДи-младшего, то бишь меня. Камин в доме нет, в нем нет даже отдельной кухни, зато есть спальня, детская и две ванны. Часть дома отдана под гараж для отцовского драндулета. В детской живу я с моими сестрами – Элен и Жюстин (моя ма – франкофонная канадка, поэтому у нас такие имена).

По меркам нашего городка Джинна (это я о своей ма'бэби, если что) довольно богата – у ее отца есть собственная заправка, совмещенная с мойкой, автосервисом и даже франчайзинговой кафешкой. На самом деле старина Фиц такой же реднек, как и мой па, но только забрался чуть повыше, трепыхаясь всеми конечностями.

По местным меркам нашу семью не назовешь нищетодами: па имеет постоянную работу, ма на вэлфоре по инвалидности – у нее нет руки, и я, по правде, не знаю, как ма ее потеряла. Отец говорит, что на лесопилке, но в подробности не вдается, остальные вообще молчат, только косятся странно. А сосед, Хокинг, противный старикашка, коп на пенсии, как-то назвал моего па «сраным дауншифтером», поскольку тот когда-то имел свой бизнес в Фениксе, но почему-то бросил. Когда я попытался его об этом расспросить (па, а не вонючку Хокинга, понятно), отец опять ничего объяснять не стал, да еще и разозлился на меня. А за что, спрашивается?!

Что плохого в том, что я интересуюсь... тем, что со мной связано? С моим рождением, с моей семьей? Эй, 'айфолкс[3 - 'Айфолкс – старшее поколение, предки, старики. Происходит от hi folks. Молодежный сленг США.], не слишком ли много вы от нас скрываете? И как доверять вам, если вы нам не доверяете?

У меня есть серьезные опасения, что я замешан в чем-то паршивом и кровавом в отношении собственной ма. Кроме шуток, есть основания подозревать, что руку она потеряла из-за меня. Может, я, когда мелкий был совсем, полез куда-то не туда (я и сейчас лажу не туда, но последнее время в основном в виртуале), а ма из-за этого осталась однорукой, как древний автомат по разводу на бабло. Что, так трудно сказать об этом? Хотя бы в воспитательных целях, чтобы я думал своим Jack o'lantern[4 - Jack o'lantern – хэллоуинская тыква, украшение на праздник Хэллоуин, празднуемый на Западе. Тыква с вырезанной на ней устрашающей маской. В переносном смысле – пустая голова, тыква.], куда лезу и что не я один могу пострадать.

А они молчат. Когда надо. А когда не надо, наоборот, говорят чересчур много. Не думайте, я люблю своих родителей, хотя с появлением на свет Элен, а потом и Жюстин они на меня положили и внимания мне уделяют примерно столько же, сколько Бараку, черному приبلудному барбосу. Даже странно, что этого блохоносца мне разрешили оставить.

Раньше Барак везде за мной бегал, провожал до школы и встречал из нее, а когда я стал подрабатывать почтальоном, носился за моим велосипедом, куда б я ни поехал. Теперь он старый, большую часть времени дрыхнет в конуре. Ма его жалеет, даже варит ему кашу с мясом, размалывая блендером в пюре, поскольку с зубами у Барака совсем печально, а на баночном питании разориться можно. Иногда я ему покупаю баночку, за что ма меня ругает: она думает, что в эти банки кладут какую-то химию, чтобы собаки становились типа наркоманами. А по моим прикидкам, Бараку абсолютно по фигу, что точить – баночку или мамкино пюре. Ему с детства было абы пожрать.

Да, я работаю почтальоном, уже два года, чтобы собрать бабло на колледж. Родители сказали, что у них столько нет, сколько нужно, но они докинут, если я соберу тысяч двадцать. Поступать мне в следующем году, так что успею. Хочу пойти на что-то связанное с сетями, не с рыболовными, ясен перец, а с компьютерными, ведь я, как уже было сказано, от компов фанатею. Причем приколом в том, что у меня самого только древний, как жопа динозавра, яблочный моноблок – отстой полнейший в наше время, когда планшет может то, что двадцать лет назад не осилил бы вычислительный центр пятиугольного здания с дыркой посередине[5 - Имеется в виду Пентагон. Тонкая ирония Поля заключается в том, что под дыркой может пониматься как внутренний дворик, так и пролом, получившийся в результате атаки 9/11.]. Но планшета у меня нет, и, может, к лучшему. Говорят, что раньше в школах боевых искусств Востока

учеников во время тренировки часто связывали или нагружали чем-то – типа, посмотрим, как ты ухитришься не огрести в табло со связанными руками и гирей, привязанной к ноге. Зато потом, когда их развязывали, получались те еще бойцы.

Я понимаю, почему гуру программирования – либо из Восточной Европы, либо индусы. У них, говорят, нищета похлеще нашей, на бигмак неделю надо вкалывать, если не по удаленке, потому работают они на таком железе и таком софте, по сравнению с которыми даже мой моноблок выглядит как спейс-шаттл на фоне дельтаплана. Так что неудивительно, что меня в Сети даже 'айфолкс считают крутым, как Айрон Мэн, ну, в плане всяких хакерских бяк. Поработали бы они на этом убогом эппле...

Есть у меня приятель, в смысле, в Сети, не в реале. Живет хрен знает где, по ту сторону Атлантики, в каком-то диком захолустье, вроде того, где шифровался Волдеморт от магических акабов[6 - Акаб – то же, что и коп, но с более негативной окраской. Происходит от аббревиатуры ACAB – all cops are bastards. Молодежный сленг США.]; к тому же он старше меня на шестнадцать лет. Нет, не в смысле бойфренда, даже не думайте, я не из этих. Мы корешим по интересам, он меня всяким полезным фичам учит, но не как факн'тича[7 - Факн'тича – иронично-уничижительное наименование школьных учителей и лиц с подобным же стилем преподавания (близкий аналог – российское слово «училка»). Молодежный сленг США.], а как нормальный па или старший брат, которого у меня никогда не было. Но реально, Петр (его так зовут, именно Петр, а не Питер, говорю ж, он откуда-то из Восточной Европы) мне ближе, чем па и ма.

Я могу показаться чересчур болтливым, но по жизни я как раз больше молчун. Открою маленький секрет: такие, как я, ничем не отличаются от других, кроме одного – мы нашли возможность говорить с самими собой. Чем я и занимаюсь, пока кручу педали. Работы у меня много. Раньше, говорят, почтальоны возили письма, газеты, теперь вместо этого – телевидение и Интернет. Письмо я видел только один раз за два года работы, я отвозил его в Оак Лейн, местный дом престарелых у кладбища Оак Лоун. Напечатанные газеты появляются только перед выборами и, по сути, представляют собой спам на плохой бумаге.

Почта теперь доставляет товары. Мы работаем с основными службами доставки от DCL до вездесущего Алиэкспресса. Последний, кстати, на семьдесят процентов нас и загружает. Не знаю, как в больших городах, но у нас многие

заказывают именно так – и немудрено, зачем ехать на шопинг в Милуоки, Сент-Пол или Дулут, находящиеся от нас примерно на одинаковом расстоянии и одинаково далеко, если можно заказать товары с доставкой? Раньше у мистера Брауна (это мой босс) была тачила, на которой он все и развозил, но бензин подорожал после аварии в Тексасе. Говорили, это ненадолго, мол, справятся с последствиями аварии и цена опять вниз пойдет, а фиг там. С аварией до сих пор не разобрались (шутка ли – целый городок вроде нашего вместе со всем населением ушел под землю!), да еще и у правительства пошел крутой замес с «зелеными», отчего на гидроразрыв конгресс наложил безвременное вето. Как итог – две трети нефти у нас привозные, бензин дорог, и машины в нашей глубинке тихо ржавеют в гаражах. А я кручу педали и, в общем, даже доволен. Поскольку к весне у меня будет достаточно денег, чтобы оплатить свою учебу... вот черт!

Нет, ну и откуда такие фраера берутся?! Пока я ехал, задумавшись, меня обогнал какой-то козел. Помните, я говорил о дорогом бензине? Так вот, этот факн'шит рассекает на хреновом «Роллс-Ройсе» размером с полфуры, движок в пятьсот киловатт при семи тысячах кубиков, двадцать один литр сраного высокооктанового бензина на сотню километров! И все бы ничего, мне на его машину класть от души, но эта зараза влетела в лужу, да так, что меня прям с ног до головы обдало грязью. Я едва успел отвернуться, чтобы посылку не заляпало, чуть не грохнулся с велика и, само собой, перепугался, как если бы живого Крюггера увидел. Фак, фак, фак... на мне, конечно, дождевик поверх парки, но все равно промок я изрядно, чтоб водиле этому в лесовоз на полном ходу въехать. Лес у нас возят киберфуры, управляемые компом, и такие вот фраера регулярно в них влетают. Поскольку комп – он умный, и действия идиота за рулем могут его нехило озадачить на время, достаточное для того, чтобы идиот вынес себе мозг о бревно в кузове.

Я свернул на обочину, остановился возле пожарного гидранта. Положил на него посылку, снял дождевик. И понял, что я в грязи, как Новый Орлеан после цунами. В таком виде доставлять клиенту посылку не катит даже в нашем медвежьем углу. Давай сориентируемся...

Так... мы находимся между Маклахлен-стрит и Прайвет-драйв. Кстати, в нашем городишке есть даже улица имени меня... Шучу, конечно, это другой МакДи, нам даже не родственник. И зовут его, кстати, не Поль, а Пол, но сэлфи под вывеской я сделал, его можно видеть у меня на аватаре. Улица Поля МакДи, зачетно? Там, кстати, живут крутые ребята, есть офис какого-то подразделения «Паккард

Белл», за цвет и форму называемый в народе «Сияющий вигвам». Я их сервер ломанул от нечего делать; короч, они занимаются безопасностью банковских вкладов (а свой сервер защитили кое-как, дурики). Если карта ляжет, глядишь, я еще и поработаю в «вигваме». На улице имени себя.

И еще контора Д8, тех самых экологов. Правильные ребята, респект им и уважуха. Борются за чистоту в мире, но не лозунгами, как почивший в бозе Гринпис, а реальными делами. Чистая вода, чистый воздух, чистые продукты без химии... Как раз то, что нужно. Мне б чистый дождевик сейчас...

Мечты, мечты... Когда жизнь серая, как сегодняшняя погода, только и остается, что мечтать. А вот и «Старбакс» неподалеку, отправлюсь-ка туда. Дождевик почищу и просушу немного.

В «Старбаксе» народу почти не было: какая-то парочка сидела за столиком у окна, и только. Тем лучше, никто меня грязным не увидит. Я зашел в туалет, почистился, оттер кроссовки от глины и грязи, руки вымыл... Терпеть не могу эти кафики, в них всегда так вкусно пахнет, а у меня кэш на минимум выкручен, не могу лишний раз сэндвич купить... Когда я вышел, парочка уже исчезла и в зале никого не осталось. Проходя к стойке, я в окно увидел старого знакомого – «Роллс-Ройс», обдавший меня дорожной грязью. Долбаная тарантайка выползала со стоянки, увозя парочку.

Черт его знает почему, но я решил сесть туда, где до того сидели они. Подкорка сработала, не иначе. Еще подходя, я заметил нечто необычное. Ну, как необычное... короче, на диванчике лежала черная картонная коробка без надписей. Бомба? В нашем «Старбаксе»? С таким же успехом можно проводить теракт на пустыре за школой. Там даже эффективнее будет, на пустыре постоянно какие-то пацаны ошиваются, а в нашем «Старбаксе» никогда больше двух-трех посетителей зараз не видели. Кто-то решил грохнуть старушку Мэгги? Ха-ха-ха, она и в молодости не особо кому была нужна.

Любопытство губит кошку... Я на ходу откусил круассан, запил кофе, присел рядом с коробкой, покосился на нее. Сбоку она была скреплена пластиковым фиксатором – похоже на фабричную упаковку, только вот никаких надписей ни сверху, ни сбоку... Интересно, а снизу? Конечно, брать чужие вещи нельзя, да и опасно, так что лучше ну ее, эту коробку...

Нет, снизу тоже никаких надписей. Коробка довольно тяжелая, размеры – примерно пятнадцать на двенадцать...[8 - Дюймов (примерно сорок на тридцать сантиметров).] Вот чего точно нельзя делать, так это вскрывать находку. Ни в коем случае. Лучше отдать ее Мэгги или снести к шерифу. Только дурак станет вскрывать случайно найденную коробку!

Внутри оказался... У меня мягко сжалось сердце. Я о таком только слышал, ну, рекламу видел еще, в Сети. У нас такое даже не рекламируют. Потому что дорого для местных реднеков. Вот представьте себе, что вы нашли на улице пачку сотенных... нет, не так: расшаренную кредитку на предъявителя. Почувствовали? Дух захватывает, правда? Вот и у меня захватило.

Мне захотелось включить находку прямо здесь, в «Старбаксе», я еле сдержался. Голопланшет. Эта коробейка содержала в своем пластиковом нутре мощнейший компьютер, спутниковый модем и голографический монитор – в общем, все мои надежды и мечты. Стоила она примерно столько, сколько наш семейный коттедж с землей под ним.

Я и сам не заметил, как засунул планшет во внутренний карман парки. Они же могут за этой штуковиной вернуться! Больше всего мне не хотелось расставаться с находкой. Просто слов нет, как не хотелось!

Я быстро допил уже едва теплый кофе и, на ходу доедая круассан, выбежал из кафе. Спрятать его, что ли? Не круассан, конечно, планшет. Идите на фиг, что упало, то пропало! Если вы можете позволить себе заправляться на месячную зарплату той же Мэгги, купите себе новый планшет, с вас не убудет.

До адресата своей посылки я добрался быстро – за мной словно черти гнались или тот мужик на «Роллс-Ройсе». Получателем был Джеймс Харрисон, хороший мужик, наш местный юрист. Ему за шестьдесят, и передвигается он на коляске – после инсульта ноги отказали. Казалось бы, вот инсульт – он в голову бьет, но голова у мистера Хариссона по-прежнему варит дай боже каждому, а ноги не ходят.

– Какой-то ты сегодня напряженный, – сказал мистер Харрисон, когда я отдал ему посылку. – Что-то не так в школе или с родителями?

– Да нет, все как всегда, – пожал плечами я. Вот еще, не хватало свои отношения с родителями с посторонним обсуждать! Да и не это меня сейчас заботило...

– Не серчай, – сказал мистер Харрисон, доброжелательно (и, кажется, вполне искренне) улыбаясь. – Просто мне кажется, у тебя проблема и тебе нужен совет. Я юрист, у меня глаз на такие вещи наметан.

«Угу, и кошелек, видимо, тоже», – подумал я. Знаю, сколько юристы за свои услуги берут... Был бы я умный, сам пошел бы на юриста или на врача. Болеют и ссорятся люди всегда, с самого начала истории.

– Кстати, – словно прочитав мои унылые мысли, добавил мистер Харрисон, – консультации у меня платные и дорогие, но советы я даю даром. Особенно смышленным юношам, которые, возможно, когда-нибудь станут моими клиентами. Например, если захотят заключить брачный контракт. – И заговорщически подмигнул. И я решился:

– Мистер Харисон, скажите, а вот если я нашел деньги – считается ли, что я их украл?

– Нет, конечно, – пожал плечами мистер Хариссон. – Даже если эти деньги были переписаны и учтены, сам факт их наличия у тебя не доказывает то, что ты их похитил. Более того, их у тебя даже изъять не смогут. Если, конечно, ты их действительно нашел, а не украл.

– А если это не деньги, а вещь? – уточнил я.

Мистер Хариссон поморщился:

– Смотря что за вещь. Если она уникальна, если существует запись о том, что она принадлежит мистеру N, у тебя ее изымут и передадут ему, но других последствий не будет. А если это ширпотреб, то и изъять не смогут. – И, подмигнув, добавил: – Нашел что-то? Ну, колись уже, я могила.

– Ага, – покраснел я. Не возьмут меня в шпионы, не умею тайн хранить. – Штука дорогая, – электроника...

– С этого бы и начинал, – разулыбался мистер Харрисон. – Не бойсь, парень, есть три тайны: тайна исповеди, врачебная тайна и юридическая. Разгласить их – значит поставить жирный крест на репутации, а я хоть и прикован к этой железяке, но репутацией дорожу.

– Мистер Хариссон, – сочувственно сказал я, – вы же обеспеченный человек. Купили бы себе вместо этой дребедени экзоскелет, вам это по карману. А то и вообще имплантировали себе его – не то что ходить, прыгать можно...

Юрист запустил руку в карман на боку коляски и достал пачку сигарет, украшенную традиционной картинкой с выкидышем.

– Знаешь, Поль... не доверяю я этой машинерии. Я из того поколения, которое в детстве смотрело «Терминатор». А ну как оно взбесится и потащит меня на крышу какого-нибудь небоскреба, а оттуда пешком вниз через парапет? Согласись, жуть: идешь и знаешь, что сейчас сбросишься с крыши. И сделать с этим ничего не можешь...

Я поежился. И правда, страшно, если так подумать. Вслух же сказал:

– У вас прекрасная фантазия. Книг не пишете?

– Не-а, – пожал плечами мистер Харрис. – Так, иногда сценарий для HBO подгоню, на стакан виски по субботам хватает...

– Че, правда? – У меня даже глаза на лоб полезли.

– В новом сезоне их «Холмса на Манхэттене» мои серии – четвертая, пятая и седьмая, – ответил он. – Хочешь, расскажу, что в седьмой, она еще не вышла. Проверишь.

– Нет, спасибо, – отказался я. – Не люблю спойлеров, и... я вам и так верю. С чего вам лгать?

– Для лжи, дружок, иногда причины не нужны, – ответил мистер Харрисон. – Но я тебе не вру. Так вот, о твоём деле. Говорят, ты хорошо в компьютерах разбираешься?

– В наше время в компьютерах каждый второй хорошо разбирается, – пожал плечами я.

– Вот и посмотри в Сети, на кого имей твоей находки зарегистрирован. Сейчас технику по-другому не купишь – платишь-то по карточке, это тебе не «Вулмарт» или «Старбакс». А как карту система акцептирует, сразу и записывает на это имя имей купленного оборудования. Сайт с базами сам найдешь, ты в этом лучше шаришь, чем я. Вообще, – мистер Харрис подмигнул, – слышал я, что эту информацию можно переписать, как говорит мой внук из Майами, – ламмер справится левой пяткой. Фил, он вроде тебя, тоже, дай ему волю, жил бы в Сети...

– Вы толкаете меня на преступление? – спросил я, подняв бровь. – Я ничем таким не занимаюсь!

И, подмигнув, добавил:

– Спасибо за совет, мистер Харрисон. Я ваш должник.

– Никогда не говори этих слов юристу. – Мистер Харрисон улыбнулся во все свои тридцать два прекрасных зуба. – И вообще, следи за языком. В наше время его пробег дороже поездки на «Роллс-Ройсе».

– Учту, – сказал я, пожимая протянутую руку. – Мистер Харрисон, вы для меня делаете больше, чем родители.

– Ты это брось, – посмурнел юрист. – Ничего ты о своих предках не знаешь. Поверь, они достойны любви и уважения.

– Откуда ж мне о них знать, если они ничего не рассказывают! – ответил я. – Может, вы...

– Нет, – отрезал мистер Харрис. – Родители правильно делают, что молчат. Не сейчас. Ты еще растешь, у тебя личность не устаканилась. Черт его знает...

Он замер, подперев челюсть двумя пальцами, и сказал:

– Заболтался я с тобой. Пойду, у меня дел еще на сегодня немерено. Помни, что я сказал, а нужна будет консультация – приходи. Если платить бабки – лучше уж тому, кого хорошо знаешь.

И, развернув коляску, покатил по дорожке к дому.

Слова мистера Харриса озадачили меня так, что я даже про планшет ненадолго забыл. В них была какая-то тайна, интригующая и опасная, и связана она с моим рождением. Что же скрывают родители, да еще такое, за что я их должен любить и уважать? Может, у матери были трудные роды... в ходе которых она потеряла руку? Я нервно хохотнул. Как можно потерять руку при родах? Бред.

Тем не менее...

Я заехал на почту, отчитался, взял бабки (шеф мой по старинке платил чистоганом, хоть у меня имелась кредитка; я, правда, с собой ее не носил, дома лежала в ящике стола, чтобы не было искушения потратить накопленное на учебу, – когда в кармане пара баксов, много не спустишь) и попер домой. Мне не терпелось опробовать свою новинку... и проверить, на кого же она все-таки зарегистрирована. Что греха таить, я уже думал, где взять прогу, чтобы эту запись поправить. Эх, был бы Петр на месте... у него любым софтом можно разжиться, Восточная Европа же...

Дома тем не менее я не сразу бросился в свою комнату, сначала зашел на кухню, сточил приготовленный матушкой бургер с яйцом, запил соком и лишь потом отправился к себе. Но даже тогда планшет включил не сразу, решил, пусть сначала сестры заснут. А пока залез в Сеть по своему старенькому эпплу, чтобы раздобыть софтинку и узнать, кто ж мне такой щедрый подарок удружил.

Тут меня ждал приятный сюрприз – Петр был на месте. Этот чудак почему-то не пользовался скайпом, предпочитая старый текстовый коммуникатор.

«Привет! Давненько тебя не слышно было, где пропадал?» – поинтересовался я.

«Привет! Проблемы, брат», – ответил он.

«Чет серьезное? Помощь нужна?» – уточнил я.

«Пока нет. – Он прислал пожимающий плечами смайлик. – Слушай, ты не в курсе, у вас последнее время никаких странных случаев не было?»

«Где, в городке?» – удивился я.

«В штате. И в целом по стране», – ответил он.

Я задумался: странных?

«В каком смысле странных?»

«Ок, спрошу прямо: у вас молодежь твоего возраста не пропадает?»

Я неопределенно фыркнул. Пропадает, конечно. Лет пять назад я даже какую-то передачу краем уха слышал о том, что ежегодно тысяч пятьдесят детей пропадают и половину так и не находят. Передача, правда, шла по любимому матушкой специфическому каналу, на котором всякие конспирологи рассказывают про страшных русских хакеров, подключенных спинным мозгом к Сети, и прочую ахинею.

«Пропадает, причем регулярно. По пятьдесят тысяч в год», – озвучил я конспирологические выкладки.

«Я не в том смысле, – ответил Петр. – Последнее время и именно твоего возраста. Не слышал ничего такого?»

«Не-а», – ответил я.

«А к тебе никто не подкатывал? – уточнил он. – По Сети там или в реале?»

«Ничего такого. – Я ответил ему его же смайликом. – Сегодня только на дороге машина грязью облила, других происшествий не было. А что?»

«У меня племяшка пропала, – объяснил Петр. – Как раз твоего возраста. Я начал шуршать и нарыл такое, что волосы дыбом. По всему миру исчезают подростки, родившиеся в сорок втором – сорок третьем».

«Как я... – сказал я. – Я как раз зимой сорок третьего родился».

«Знаю, у тебя в профайле написано, – ответил Петр. – Короче, ты там будь осторожнее, ок? Особенно в реале».

«Почему? В смысле, почему в реале?» – спросил я.

«Не у всех похищенных был доступ в Сеть, – ответил Петр. – Некоторые жили в захолустье, как...»

«Как у меня?» – уточнил я, добавив пару улыбающихся смайликов.

«Без обид, но ты живешь не на Манхэттене, – ответил Петр. – Я, правда, тоже не в Москве и даже не в Любляне».

«Ок, спасибо за предупреждение. – Меня больше другое интересовало. – Слушай, можно у тебя помощь попросить? Не совсем в рамках закона».

«Хочешь банк ломануть? – спросил тот, кинув шуточные смайлики. – Я в твоём возрасте хотел. Только сейчас это не прокатит, особенно у вас в Штатах, так что...»

«Ну, ты что, я ж не крыса, – ответил я, хотя на миг – совсем короткий – представил, что действительно ломанул, «Чейз Манхэттен» например... Классно, наверно, вышло бы! Вилла в Майами, каждой сестре по отдельной комнате с отдельной ванной, мне – «Линкольн» вместо велосипеда... а главное – компьютеры, голографический проектор, 3D-принтер промышленного класса со сканером...

«Сказал Поль – и замечтался... – подколот меня Петр. – Так че там у тебя за дело-то, бандитско-воровское?»

«У тебя нет проги, чтобы переписать имей?» – спросил я, чувствуя, что смущаюсь.

«В смысле? – уточнил он. – На устройстве или...»

«Или». – Мне было стыдно. Очень стыдно. Целых пять секунд.

«М'бадди[9 - М'бадди – дружище, приятель. Молодежный сленг США.], ты хоть сечешь, что просишь? – ответил Петр. – Хорошо, что ты ко мне обратился, иначе не отвертелся бы от акабов. Там дело не в одной записи, по всей цепочке идти надо – переписать магазинный чек, электронный чек в банке, где оплатили покупку, запрос в банк, платежку. Прикинь, какой гемор?»

«То есть без вариантов?» – посмурнел я.

«Без вариантов только рак на последней стадии, даже пуля в голову имеет варианты, – ответил он. – Принимай файл, только работать он у тебя будет всю ночь. До этого свой девайс не включай, а еще лучше – отсоедини от него питание от греха подальше».

Эх, а я только хотел планшет на зарядку поставить! Да, каюсь, я уже попытался его включить, но агрегат показал стопроцентную разрядку. Факн'щит!

Я принял переданный файл, а потом Петр сказал, что должен бежать. Мол, надо ему еще с кем-то встретиться. На ночь глядя? А, ну да, у него там раннее утро как раз. Я его поблагодарил, а он еще раз потребовал, чтобы я был осторожен.

Факн'щит... Эй, 'айфолкс, своим поведением вы учите нас не доверять вам, пропускать ваши слова мимо ушей, и это мы подсознательно распространяем на всех вашего поколения, даже на самых лучших. Мы на автомате не слушаем то, что идентифицируем как «нравоучения», и влезает туда, куда нельзя, именно потому, что вы запрещаете нам это, не объясняя причин. Мы не такие дураки, как вам кажется, и если вы честно расскажете нам об опасностях, ожидающих нас, мы для разнообразия не сделаем какую-нибудь глупость, нам тоже жизнь и здоровье дороги...

Если честно, на предупреждения Петра я тогда мало обратил внимания. А зря.

Прога Петра была у меня наготове, инструкция, прилагавшаяся к ней, оказалась, что называется, для чайников, разобрались бы даже Жюстин, которая еще в куклы играет, и Элен, у которой, кроме мальчиков и шмоток, на уме ничего нет. Вот только воспользоваться программой мне так и не довелось.

Я протер глаза. Потом еще раз. Ущипнул себя. Потом взял со стола невесть как оказавшуюся там брошку Элен и уколол подушечку пальца. Айкнул, пососал палец, чувствуя вкус крови... глаза могут обманывать, тактильные и вкусовые ощущения тоже, но не все же разом!!!

В графе с указанием имея моего трофея зеленым по черному значилось: «Поль МакДи, паспорт такой-то, кредитная карточка такая-то». Номер паспорта совпадал. Я достал из стола карточку и проверил – тоже совпадает.

Это что же выходит? Я в кафе нашел свой собственный планшет, на оплату которого мне не хватило бы всех денег, что я собрал на колледж?

Я проверил свой банковский счет... не, ну а вдруг я лунатик, взял и ночью заказал планшет... способ доставки, конечно, смущает, но... у меня просто голова пухла не то от обилия догадок, не то от их абсурдности.

Но все собранные мною деньги оставались на моем счету. А значит...

Любопытство... Не знаю, как там с кошками, а люди от него, наверно, пачкамидохнут. По-хорошему отнести бы находку шерифу. Или оставить в кафе у Мэгги. Или выбросить с моста в речку, протекавшую за околицей моего городка. Эх, если бы мы все вчера были такими умными, как сегодня...

Я включил планшет. Над плоской поверхностью поднялся столб света, слишком яркого для моей темной комнаты, даже Жюстин заворочалась (Элен же было по фиг, она, наверно, могла бы спать и на рок-концерте под колонками). Я крутанул пиктограмму настройки и, опустив ногтем бегунок яркости, приглушил голографический поток. Планшет тем временем нашел Сеть и без лишних проводов подсоединился к ней.

В световом столбе, кроме настройки и корзины, плавала лишь одна иконка – маленькая сова, умильно поворачивавшая ко мне голову. Такой проги я не знал, и по-хорошему эту сову требовалось придушить, пока маленькая. Мало ли, может, вирус какой?

Я протянул мизинец (это был как раз тот палец, который я уколол), и сова тут же перебралась на него. После чего исчезла, а вместо нее на мгновение появилась большая сияющая буква «А». Однако литера почти тут же погасла, сменившись

грустным лицом темноволосой девушки лет на пять-десять старше меня.

Раньше я 3D-чат видел, как говорится, редко и издалека, но сразу понял, что передо мной не бот, а живая девушка. Понятия не имею, где у моего планшета камера, но она, вероятно, есть, потому что девушка меня увидела и даже узнала.

– Привет, Поль, – сказала она, глядя мне в глаза. – Прости, что заляпали тебе дождевик, но надо же было как-то передать тебе подарок.

– Кто вы? – спросил я. В этот момент все предупреждения Петра вылетели у меня из головы, во-первых, потому, что девушка была красива – таких красавиц даже на тиви нет, все на головидение перебрались, во-вторых, потому, что она удостоверила меня в том, что планшет мой.

– Мы друзья, – ответила девушка. – У каждого из нас есть друзья, о которых мы не знаем, Поль. Тебе кажется, что ты никому не нужен, никому не интересен, но это не так. Однажды все меняется. Для тебя эта минута наступила сегодня.

– Я не понимаю, – сказал я. – Почему? Что вам от меня надо?

Девушка усмехнулась... У нее была очень приятная, чувственная улыбка.

– Бедный Поль... ты так привык, что всем что-то от тебя надо – родителям, сестрам. Ты даже и представить не можешь, что кто-то может любить тебя просто за то, что ты есть.

У меня в горле пересохло.

– Вы меня любите? – спросил я удивленно.

Девушка подмигнула:

– Не так, как ты себе представил, маленький негодник. Да, я тебя люблю, более того, восхищаюсь тобой. Давай познакомимся. Тебя зовут Поль МакДи, а меня – Надин фон Конт.

– Вы немка? – удивился я.

– Такая же, как ты шотландец, – улыбнулась Надин. – Во мне намешано много кровей и немецкая в том числе. Так вот, ты спрашивал, что нам от тебя надо. А я хочу спросить: что тебе надо от нас?

Я ляпнул первое, что пришло в голову:

– Планшет себе можно оставить?

Надин рассмеялась:

– Ты уже знаешь, на кого зарегистрирован его имей, правда?

Я кивнул.

Она продолжила:

– Знаешь, на что это похоже? На джинна из бутылки. Сейчас я – твой джинн, исполнитель желаний. Ты можешь загадать все, что хочешь, например... – Она на миг наморщила лоб. – Скажем, вживить комп прямо в мозг, как кардиостимулятор вживляют в сердце. Круто, правда?

Я почувствовал, как по позвоночнику пополз холодок. Она что, мысли читает? Но я даже не думал об этом... сейчас.

– Это похоже на телепатию, – сказала она и напела: – It's a kind of magik...
Смотри!

После чего повернулась ко мне в профиль, и я увидел у нее за ухом восьмиугольное... восьмиугольную... в общем, черт его знает, что это было, похоже на мембрану какую-то или на арт из компьютерной бродилки. Надин нажала на мембранку и достала продолговатый цилиндр без стенок. Внутри него было... такое я только на футуристических сайтах видел, гиперкуб из многослойных микропроцессоров и слоты голографической памяти в виде шестигранных кристалликов, придающих цилиндру сходство с маленьким полуобгрызенным початком кукурузы.

Надин прикрыла глаза.

– Представь себе все компьютеры пятиугольного здания с дыркой, – сказала девушка, заставив меня вздрогнуть. Она читала мысли! Это было мое личное выражение! Факн'щит, м'ззаф'ка! – Эта штука мощнее примерно вдвое. Смотри, – она провела мизинцем по ряду транспьютеров, пощелкивая ногтем на стыках, – ВВС, ВМС, Морпехи, отдел тактики, отдел МТО, отдел спутниковых систем...

От ее голоса в совокупности с тем, что она говорила, простите за грубость, можно было кончить. В буквальном смысле слова. Я хотел эту штуку, хотел примерно так же, как саму Надин!

– Хочешь? – спросила меня она так, как обычно спрашивают девочки с секс-чатов, только натуральнее, естественнее, чувственнее. – Это только небольшая часть того, что ты можешь получить...

– Кому продать душу? – в шутку спросил я. – У меня палец проколот, так что могу подписать кровью...

Она поморщила носик:

– Хорошего же ты мнения обо мне и моих прекрасных ножках, если считаешь, что они оканчиваются копытами! Душу можешь оставить себе, нас она не интересует. И мы не покупатели. Мы организаторы.

– Организаторы чего? – уточнил я.

– Команды, – ответила она. – Специальной команды. Хочешь к нам? У тебя будет и навороченная техника, и многое другое, а главное – те, кому ты по-настоящему нужен.

– Мне нужно подумать, – тихо сказал я.

Она своевольно тряхнула головой:

– А вот думать некогда. Сегодня, сейчас, вот прямо через пять минут эта дверца рождественского календаря закроется и ты останешься со своим планшетом, так и не узнав, что такое носить в голове вычислительную мощь Пентагона.

Мне стало страшно. С одной стороны, как я понял, мне придется покинуть родных, бросить все, чем я раньше занимался. С другой – потерять такое... да я потом повешусь от тоски, ей-богу!

И я сделал выбор. Нетрудно догадаться какой. Любопытство... ну, я уже говорил. Наверно, во мне есть что-то кошачье...

Рания Асуад ат Тен : Леди Лёд

Мне снится зима.

Хлопья снега, падающие на землю и покрывающие ее густым белым саваном. Голубой лед под ногами. И мне почему-то совсем не страшно. Хотя, наверно, должно бы – ведь я никогда не видела столько снега и льда. А может, видела? В прошлой жизни например?

Не то чтобы я верю в реинкарнацию, хотя всем говорю, что верю, но лишь для того, чтобы позлить своих приемных родителей. Они правоверные мусульмане и, конечно, хотели бы и меня вырастить такой. У них, кажется, все мое будущее рассчитано с того момента, как они меня удочерили. Вот только я на этом их плане поставила жирный крест. Не позволю никому за меня что-то решать. По какому праву? Потому что меня удочерили? А у меня разрешения спрашивали? Нет. Ну, объективно говоря, в то время, когда меня оформили как Ранию Асуад ат Тен, я лежала в пеленках и даже не агукала.

Приемные родители никогда не скрывали, что я им не родная. Вообще какая-то темная история с моим рождением – по их словам, мой отец погиб в результате несчастного случая, а мать умерла чуть позже от полученных в том же несчастном случае травм, успев, однако, произвести на свет меня. Я, блондинка с молочно-белой кожей и ясно-голубыми глазами, ничуть не похожу на смуглых, черноглазых и темноволосых выходцев из далекого Пенджаба.

Мои приемные родители довольно богаты, хотя и относятся к среднему классу. Отец, специалист по челюстно-лицевой хирургии, в основном занимается косметическими операциями. Мать по профессии ортопед, но работает представителем крупной медико-фармацевтической корпорации. И да, они британские граждане во втором поколении – отец моего приемного папочки прибыл в эту страну с парой фунтов в кармане и, как с придыханием говорит матушка, «сделал себя сам». То есть сделал бизнес. Он тоже был специалистом по челюстно-лицевой хирургии и имел огромную практику на какой-то давней войне.

У матушки, чьи предки прибыли примерно в то же время, похожая картина. Отец моей маман быстро добился признания как фармацевт. Думаю, не погрешу против истины, отметив, что на родине у него, возможно, тоже была обширная практика, но, скажем так, относящаяся к медицине весьма косвенно. Впрочем, в девятнадцатом веке кокаин и опий считались лекарственными средствами. Потому у меня такое стойкое предубеждение к наркоте и прочему дурману – ненавижу все, что хоть как-то связано с моей приемной семьей.

Многие (и родители в первую очередь) считают меня неблагодарной сучкой. Наверно, так оно и есть. Порой меня это удивляет, но я не знаю, что с собой поделать. Это не юношеский максимализм, не пубертатный период – сколько себя помню, я всегда была такой. Моей ненависти нет рационального объяснения, как нет рационального объяснения пищевых предпочтений. Иногда люди активно не любят какой-то продукт потому, что его плохо усваивает организм, а иногда просто так. Наверно, у этого «просто так» тоже есть объяснение, как и у моих приходящих из ниоткуда снов.

В Лондоне, где мы живем, зима не более чем календарное время. Тут и снег-то на моей памяти шел всего пару раз. Грязный, клочковатый, он меня только раздражал. Это не снег, а издевательство. Я мечтаю о настоящем снеге, в который проваливаешься по колено, о гладком синем льде, о морозе, от которого горит лицо, и о белых узорах на окне. Странные мечты, правда? Лед, настоящий снег и ледяные узоры на стеклах я видела только по телевизору, а про то, как обжигает на морозе кожу, разве что слышала, и то не помню, где и когда...

У меня нет друзей, кроме виртуальных. Мы живем в замкнутом мире диаспоры, где я в буквальном смысле белая ворона. И в переносном тоже – мне неинтересны ни юноши, строящие из себя Джахангиоров и Салах-ад-динов на

фоне небоскребов Сити, ни девочки – покрытые мусульманки, похожие на тропических птиц, яркие, щебетливые и, на мой взгляд, недалекие. Мне скучны темы, на которые они общаются: шмотки, золото и украшения, пластика, мальчики, замужество...

Я мечтаю путешествовать, но не так, как мои родители. Каждый отпуск они отправляются в тропики: то на Мальдивы, то в Бруней или Малайзию. Я хочу на север, к холоду и снегу. Хочу увидеть заснеженные горы, похожие на покрытые белым налетом клыки дьявола. Тьфу, ну и аналогии...

Только мне это не светит. Впереди – медицинский колледж, хотя к врачеванию у меня душа вообще никаким боком не лежит. А к чему лежит, не знаю. У меня нет времени на то, чтобы решить это для себя. Я точно знаю, кем не хочу быть: врачом. Стоматологом, хирургом, фармацевтом. Я чувствую, что начинаю ненавидеть людей уже за то, что эти сволочи имеют наглость болеть.

Порой я становлюсь очень злой, мне даже самой страшно, правда. Я ведь не всегда такая. Помню, как-то в парке я увидела котенка, припадающего на переднюю лапку. Маленький, только от сиськи оторвался небось и охотиться толком еще не умеет... я подумала, пусть и жестоко, что с такой лапкой и не научится. Или с голоду помрет, или кто-то более крупный им перекусит – собаки или вороны...

Жалко мне его стало, до слез. Кое-как поймала, хотя он, дурашка, все сбежать хотел. Осмотрела лапку – пустяки, слава богу, не перелом, вывих. Вправила, он орал и всю руку мне исцарапал, даже укусил (после такого, конечно, следовало к врачу обратиться, сыворотку вколоть, однако я не стала; я вообще фаталистка – столбняк так столбняк, бешенство – тем лучше, сама откинусь, но прежде родственничков перекусаю... здесь должен быть ехидный смайлик). Потом успокоила его, котенок даже замурчал, и, пока он терся об мою руку (кажется, даже понял, что я ему помогла), вырвала у него из шерсти пару клещей и отпустила. Это было года три назад, а прошлым летом я со своим бойфрендом сидела в том парке на лавочке, как вдруг подходит к нам здоровенный кот и давай мурчать, об ноги мне тереться. Тот или не тот – не знаю, но окрас похожий. Скармила ему свой хот-дог, все равно я их не люблю, ем только потому, что там свинина есть, если производитель не врет.

Меня все считают злойкой и оторвой... я и сама часто думаю так же. Иногда я и себя ненавижу, да еще побольше, чем окружающих. Но я такая, как есть, и не

прошу любить меня. Просто оставьте меня в покое, о'кей?

Есть персонаж в одной игре, мой бойфренд, уже бывший, потому что дурак, все ею увлекался. Там куча солдатиков, танчиков, и стоят они до фига – чтобы целую армию собрать, надо уйму бабла потратить. Бойфренд мой, ясное дело, был не из моего круга, поляк какой-то, его папашка держит крохотный паб с пивом и сосисками. Пиво я не пью, потому что алкоголь, а вот сосиски, как уже сказано, ем, потому что свинина (еще один ехидный смайлик, мой фирменный). Ну, я не из-за сосисок с ним сошлась, конечно, а по другим причинам. Главным образом потому, что он был католиком и раздумывал порой, не стать ли ему ксёндзом. Моих от него колбасило, но что поделаешь – толерантность. По-моему, толерантность – это когда всем одинаково плохо. Одной мне хорошо, потому что мне чихать на всех в равной мере. Как говорил другой мой бывший бойфренд, я не расист, я всех ненавижу одинаково. Кстати, не думайте, парней у меня было не так уж много: кроме этих двух еще один, скинхед, но тот совсем безбашенный. Причем из хорошего рода, чуть ли не лорд. Родаки в конце концов его в кадетское училище отправили, куда-то в Шотландию. И хорошо, он мне порядком надоел, а послать духу не хватало – не ровен час придется к своему приемному папочке в пациенты записываться.

Так вот, о персонаже. Он в этой игре считается божеством и лично не появляется, но зато у него масса симпатичных сторонников. Этот дедушка, как его именуют упоротые игроки, характерен тем, что насылает на людей разные болячки и мутации, не со злобы, так, по приколу. Вот им я бы с удовольствием стала! Тогда бы меня сторонились и не ездили по ушам, мозгам и так далее. Люди, ну на хрен я вам нужна, зачем каждый, буквально каждый пытается меня исправить?! Даже, блин, скинхед, который трезв бывал по большим праздникам (в смысле, когда трезвый, тогда и праздник), и тот туда же. «Мы ведь для твоего же блага...» Откуда вы знаете, какое оно, мое благо? Если я скажу, что мое благо – вывалявшись в снегу, забраться в натопленную микроскопическую избу, вы поверите?

Нет, вы будете навязывать мне свое благо. А вы спросили, чего я хочу? Чего добиваюсь? Да я и сама этого не знаю, вы не дали мне возможности это понять.

Можете вы просто оставить меня в покое?

...Есть у меня такое неафишируемое развлечение. Кто-то занимается самоудовлетворением в сексуальном смысле (меня это никогда не привлекало,

как и сам секс), а у меня собственный психологический онанизм. Сначала, когда я была поменьше, я представляла, как с моими врагами происходит несчастный случай – машина там сбивает... в лучшем случае. Со временем я стала изобретательнее. А потом появился Горацио (тот взрослый обормот, который играет в солдатиков) и показал мне армию Чумных десантников, рассказав попутно об их божестве. Няяя-ам, я почувствовала тогда нечто сродни оргазму, правда. Кровь прилила к лицу, я была как пьяная.

Это же просто мечта!

С тех пор я представляла, как подхожу и нежно касаюсь чьего-то плеча. Прикосновение смерти – оно ласковое. Смерти незачем быть жестокой. Может, она даже и сострадательная, ведь никто не видит столько боли и мерзости, как этот персонаж...

Я касаюсь легонько, кончиками пальцев, – и чувствую, как по венам жертвы пробегают первые арьергардные отряды моих армий (военной терминологии я у того же Горацио нахваталась), как они сталкиваются с рядами фагоцитов, клеток-киллеров. Безнадежное сопротивление! Мои орды сильнее, мои армии неисчислимы и непобедимы.

Лишь несколько часов спустя жертва начинает что-то ощущать – температуру, сухость во рту, позывы ко рвоте, с этого времени болезнь быстро прогрессирует, она, словно неделями голодавший тигр, дорвавшийся до мяса, пожирает здоровье жертвы. Тело несчастного покрывается отвратительной коричневой сыпью, или фурункулами, или даже чумными бубонами; изо рта течет слюна или слизь, глаза слезятся, жертве становится все хуже, хуже...

О, я чертовски изобретательна в описании симптомов болячек и самого процесса умирания! Я даже обзавелась каталогами инфекционных болезней, чем, к сожалению, дико обрадовала своих приемных родков – они подумали, что я «взялась за ум», и завалили меня подарками. От голографического планшета «Вертю» со стразами (мерзость такая, я имею в виду стразы, а не планшет) до тяжелых и аляповатых иранских золотых браслетов. Интересно, никакой восточный ювелир еще не додумался до золотых кандалов? Стильно, прикольно и очень в тему.

Не буду врать, предательская мыслишка капитулировать засела у меня в голове очень плотно. Болячки оказались удивительно интересной темой; конечно, в любом случае я была на стороне инфекции. Человеческое тело так уязвимо – от кожных покровов до костного мозга... Постепенно у меня появились и новые любимцы: злокачественные и перерождающиеся опухоли, токсины, паразиты... Мурррр... Читая про какого-нибудь, прости, милостивый, глиста, я испытывала такое же волнение, как прыщавый подросток от просмотра «Глубокой глотки».

С одной стороны, учеба в меде сулила мне более близкое знакомство с моими дорогими пиявочками, инфекциями, кишечными полипами, тетродотоксинами и меланомами, но с другой – мне ж потом придется, наступив на горло собственной песне, со всем этим бороться. И даже если я не стану сама никого лечить, ограничившись исследованиями, кому пойдут эти исследования? Конечно, тем, кто будет со всем этим бороться.

Я чувствовала себя предателем. Не рода человеческого, нет. Предатель – это тот, кто злом воздаст за добро, но человеческий род не сделал мне ничего такого, что я считала бы добром. Чудовищная неблагодарность, правда? Так вот, мне плевать, как вы это расцениваете! Я слыхала японскую сказку о принце и лягушке. Принц решил спасти лягушку из болота и едва ее не угробил. Дорогие мои, пытаюсь делать кому-то добро, подумайте, нужно ли ему это, ведь его понимание добра может кардинально отличаться от вашего...

Не могу сказать, что моя точка зрения была для меня догмой, не подвергаемой сомнению. Не верю, что есть люди, настолько убежденные в своей правоте, что вообще никогда не сомневаются. Сомневалась и я. Вдруг я ненормальная? Ни один безумец не скажет, что он ненормален. И потом... если со мной все хорошо, почему мне так плохо? Плохо без видимых причин. Я не голодаю, не нуждаюсь, не больна и не увечна. Внешность у меня – дай бог каждой. Фигурка, ножки, волосы... мордаха, может, немного глуповата, но в хорошем смысле этого слова, мужикам такие нравятся. Тем более при таком наивном выражении мармызы и телячьем взгляде анимешно больших и стереотипно голубых глаз никто не ожидает от меня западло... тьфу, ну вот, опять...

Говорят, Вселенная всегда дает ответ на вопросы, которые тебя тревожат, надо только жить с широко открытыми глазами и внимательно наблюдать за тем, что происходит вокруг. Считается, что это – идеалистическая фигня, но, как мне кажется, дыма без огня не бывает – если люди ходят за водой к колодцу, значит, вода в нем есть. До тренажерки я иду пешком, потому что брать машину и ехать

растрясать тела могут только полные утырки. Так вот, по дороге я столкнулась с интересным персонажем. Персонаж был словно специально создан для запугивания невинных девочек-подростков – здоровенный накачанный афробританец, черный, как задница дьявола, и лысый, как бильярдный шар. Отсутствие волос на башке этот ньюбиан компенсировал вьющейся бородой, довольно густой для чернома... в смысле, представителя африканской расы. К тому же один глаз этого типа был прикрыт повязкой, черной, а потому сливавшейся с кожей, а белок второго так явственно с этой чернотой контрастировал, что мужчина казался мифическим циклопом, только скособоченным. Одет он был в пальто мерзкого коричневого цвета. При виде меня мужчина широко улыбнулся (зубы у него были хорошие, либо свои, либо дорогие имплантаты) и полез за пазуху.

Я шагнула назад и, должно быть, попала ногой в ливневик – лодыжку пронзила острая боль, но я, стиснув зубы, удержала равновесие. Мужчина, не меняясь в лице, метнулся ко мне... нет, не метнулся, он двигался плавно, как хищник, как черная пантера, хотя пантера грациозна, а этот скорее походил на оживший шкаф Викторианской эпохи. Он схватил меня за плечо своей лапищей – удивительно, его хватка была сильной, но не причиняла боли, и сказал с почти незаметным акцентом:

– Мисс, вам не стоит так пугаться. Я вижу, вы очень напряжены. Если это вызвано моим внешним видом, прошу прощения, но если у вас какие-то проблемы, возможно, я подскажу хорошее решение...

И всучил мне флаерок, после чего отпустил. К тому моменту я справилась с испугом.

– С-спасибо, – сказала я, машинально пряча флаерок в карман сумки.

Он еще раз улыбнулся:

– Ние вибрасывайте этот флаер, пожалуйста, по крайней мере сразу; ознакомьтесь, примите решение, хорошо?

Я также машинально кивнула и припустила прочь. Блин, флаера он раздает... да ему в порту суда разгружать надо или долги вышибать из нерадивых заемщиков. Хотя... кто знает? Может, его сюда агентство по трудоустройству

поставило, а по вечерам он проституток развозит клиентам или еще чем-нибудь достойным занимается.

Мне редко нравятся мужчины, но этот ниггер определенно вызывал симпатию. Сила в сочетании с мягкостью, какая-то странная властность в голосе, словно он... даже не знаю, словно я была для него раскрытой книгой. Нет-нет, его флаерок я точно не выброшу...

* * *

Я валялась в кровати, страдая от действия молочной кислоты, в простонародье именуемой крепатурой, – в тот день на фитнесе я выложилась так, словно решила стать мисс Олимпией до открытия пляжного сезона, – и смотрела на голограмму над планшетом. Рядом с последним, на одеяле, лежал флаерок, врученный мне одноглазым афробританцем. Флаер был лаконичен, что мне очень нравилось. На его лицевой стороне на черном, как кожа этого самого афробританца, фоне белыми, как моя кожа, буквами было выведено:

«У вас психологический дискомфорт? Вам кажется, что окружающие вас не понимают? Вы одиноки? Вы вините себя в чем-то? Вам плохо и вы не знаете почему?»

И все. Если бы у флаера не было оборотной стороны, за такую лаконичность следовало бы хорошенько врезать. Да, и что? У вас есть какие-то предложения?

Предложения были на обороте:

«Мисс Нинель, психотерапевт, лингвопрограммист», затем адрес сайта. И больше ничего.

Я запустила руку в сияние голограммы, вытащив клавиатуру, и быстро набрала указанный на флаерке адрес.

На экране появилось красивое женское лицо. Черты мне показались несколько мелкими, зато хорошо выраженными и приятными, более того – в них было что-то из совершенно незнакомого мне мира.

Приемные родители не читали мне сказок, и мое знакомство с миром волшебства началось довольно поздно, когда мой ядовитый характер уже сложился или, по крайней мере, приближался к этому. По крайней мере, цинизм укоренился во мне довольно основательно. Наверно, если бы родители читали мне сказки, я стала бы другой. Детям нужны сказки, без них они вырастают в чудовищ вроде меня. В волшебство можно не верить, но понятие о нем должно быть, чтобы смягчить ядовито-горькое послевкусие от знакомства с реальностью.

Большая часть фэнтези казалась мне унылой, но нашлись произведения, цеплявшие даже меня. Тот же Толкиен (нолдоры такие души!) или, например, серия одной американской писательницы, на полном серьезе считающей себя ведьмой. Ее фэнтези отличается от других тем, что рисует волшебный мир реалистичными тонами. И эльфы, живущие в этом мире, – циничные сукины дети, прекрасные, подлючие и ядовитые. Такие эльфы мне по душе.

И такой была моя новая знакомая.

– Добрый день, – подмигнула она. – Что, проблемы достали?

– Типа того, – кивнула я. – Я – Рания.

– Убиться об дверь, – заявила мисс Нинель. – Детка, если ты Рания, то я – китайская провидица Пин Гвин.

Наверно, другой бы на моем месте психанул – что она себе позволяет?! Но мне такое общение неожиданно понравилось. Когда тебе хамят с порога, можно не стремиться и хамить самой.

– Вы тоже на психотерапевта похожи, как кукушка на палату лордов.

– Хреновое сравнение, – парировала мисс Нинель. – У палаты лордов с кукушкой есть как минимум одно несомненное сходство. Кукушка считается глупой птицей, хотя на самом деле она просто подлюка. К тому же бесполезная. Похоже на нашу верхнюю палату, не находишь?

Я улыбнулась – ух ты! А она не промах!

– А ты не промах, – сказала она. – Сдается мне, между твоих симпатичных ягодичек скрывается то еще жало. Я люблю таких. Хочешь, кое-что расскажу про тебя, а?

– Да что вы про меня знаете? – удивилась и, пожалуй, слегка испугалась я. – Вы ж меня в первый раз видите...

Но мне уже было интересно – так интересно, как никогда ранее.

– Больше, чем ты думаешь, детка, – подмигнула Нинель. – Твои родители – богатые муслимы, врачи, скорее всего, но ты их терпеть не можешь, хотя вроде и не за что – материально они тебя обеспечивают и даже, по их мнению, искренне любят.

Я наострила уши: мне ее слова понравились.

– Ты не задаешь вопросов, как я догадалась, – продолжила Нинель, – а потому заслуживаешь ответов. Раня – суннитское имя, а запрос с твоего планшета идет из квартала, заселенного выходцами из Индостана – индусами, пакистанцами, афганцами. Афганцы в люди редко выбиваются, чего не скажешь об индусах. Значит, либо Пакистан, либо спорные территории – Джамму, Кашмир, Пенджаб. Выходцы из этих земель чаще всего связывают свою профессиональную деятельность с медициной. У тебя свеженький голографический планшет, переделка «Востока» от «Вертю»...

Она наморщила лоб, став от этого еще привлекательнее. Вообще у Нинель была очень приятная, живая мимика. Такие люди не столько красивы, сколько притягательны, очаровательны, сексуальны...

– Предположу, что твой отец либо пластический хирург, либо фармацевт.

– Отец пластический хирург, – кивнула я. – Мать фармацевт.

– Не сомневалась в том, что я умна и проницательна, – мило улыбнулась Нинель. – Я знаю твою самую главную тайну. Продолжать?

– Да, конечно! – быстро закивала я.

– Наверно, ты видишь странные сны, – сказала она, и я вновь кивнула. – В них почти не бывает кошмаров, но когда они приходят – это тягучее, засасывающее ощущение хтонического ужаса, не имеющее материального облика. Ни вида, ни вкуса, ни запаха...

Действительно, она опять попала в точку: пару раз у меня были именно такие кошмары! Без какой бы то ни было картинки – просто ощущение всепоглощающей безнадежности, густо замешанной на дьявольской ненависти.

– Откуда вы знаете? – спросила я. – Кто я?

– Вот спорим, что этого вопроса ты еще не задавала никому, даже себе? – Кажется, Нинель эта ситуация забавляет. – Ты спрашивала себя: почему я такая? Откуда во мне столько ненависти, жестокости, причем беспричинной, разрушительной, смертельной? Но никогда не спрашивала, кто ты...

Она улыбнулась и спросила:

– Можно я закурю?

– Иншалла, – ответила я. – Я даже дыма вашего не почувствую, я передачу запахов блокировала. Могли бы и не спрашивать...

Нинель достала откуда-то тонкий длинный мундштук с такой же тонкой черной сигаретой. Вспыхнул огонек, кончик сигареты затлел. Я удивилась – на фрика Нинель не походила, а кто сейчас курит обычные сигареты, не электронку? Фрики и нищebroды...

– Так вот, о тайнах, – продолжила Нинель, выпуская почти прозрачный дым. – Дети, даже новорожденные, обладают прекрасными способностями к запоминанию. Их память похожа на только что отформатированный диск. Это факт общеизвестный, но есть еще один. Как ты знаешь, можно восстановить информацию даже с отформатированного диска. Дело в том, что при форматировании удаляются только заголовки, позволяющие извлекать информацию, но не сама информация. Диск лишь кажется чистым – на деле он полностью заполнен. Суть в том, что с детским мозгом то же самое. Я скажу тебе, что скрывают современные нейробиологи: реинкарнация с научной точки зрения практически доказана, но не обоснована теоретически. Она никак не

встраивается в картину мира, созданную предыдущими поколениями ученых. И эти данные просто замалчивают.

– Мне иногда снится снег, – сказала я. – Но я никогда не видела снег... такой снег. Только по телевизору, но...

– Ты чувствуешь, как он проваливается у тебя под ногами, как снежинки опускаются на губы, как пощипывает щеки морозец и коченеют пальцы, да?

Откуда она знает?!

– Это твоя память о прошлых жизнях, – убежденно сказала Нинель. – С этой памятью ты пришла в наш мир и с этой памятью, еще не умея ни говорить, ни ходить, стала свидетелем преступления.

– Преступления? – Я была не просто удивлена, а сбита с толку. – Какого преступления?

– Они думали, что ты ничего не понимаешь. – Взгляд Нинель стал отстраненным, словно она смотрела куда-то в край невидимого. – Они убили твоего отца. Мать, скорее всего, убили не сразу. Она была молода и красива, так что над ней сначала поглумились – на твоих глазах, ведь ты же, по их мнению, ничего не понимала. Потом, конечно, ее тоже убили. И это ты видела тоже... Файлы на твоём отформатированном диске «всплыли», зацепившись за новые воспоминания, которые со временем тоже сгладились. Детская память нестойка. Остаются не сцены, а ощущения... чувства...

– Ненависть? – тихо сказала я.

Нинель кивнула.

– Это сделали мои приемные родители? Не верю, они бы не смогли, у них кишка тонка на такое...

– Не они. – Нинель отрицательно покачала головой. – Они наняли специальных людей, бандитов. У них не было детей и имелись проблемы с официальным усыновлением. Ты оказалась единственным вариантом. Они не знали, что ты все

понимаешь и даже делаешь выводы.

В моей душе поднимался горячий, всежигающий гнев. И я еще укоряла себя за свою ненависть? Я считала, что без причины гневаюсь на людей, от которых видела только хорошее... Оказывается, не только.

– Они могли не знать? – спросила я, чувствуя, как вместе с гневом приходит радость. Радость от того, что я оказалась права. Нет, я не сука, не мразь, не шайтан – я...

Но все это опять могло быть перечеркнуто одним ответом Нинель. Если люди, удочерившие меня, не знали, с кем имеют дело, значит, я зря их осуждала. Если...

– Они знали. – Нинель даже подалась вперед, словно хотела вынырнуть из голографического монитора и шепнуть мне это на ухо. – Те люди, что промышляли таким бизнесом, ничего от них не скрывали.

– Откуда вы знаете? – Последняя слабая надежда на невиновность моих удочерителей, надежда, которую я с удовольствием отрину во имя ненависти. – Откуда вы все это знаете?

– Я видела таких, как ты, множество, – ответила Нинель. – Существует даже центр реабилитации жертв похищений. Я сама была там... и не так давно. – На ее губах промелькнула быстрая улыбка.

– Вы... Вас... – Я не знала, как сказать, и отводила взгляд, но Нинель тоже на меня не смотрела.

– Нет. Меня похитили в более старшем возрасте, и моих родителей не убивали. Но это не мешает мне понимать и сочувствовать.

Внезапно я поняла, что именно понимание и сочувствие, которых я чуждалась всю сознательную жизнь, – это то, что мне необходимо. Я почувствовала удивительную, всепоглощающую близость с этой едва знакомой мне женщиной. Казалось, она вообще единственный близкий мне человек во всей Вселенной.

– И как мне жить дальше? – спросила я. – Вот с этим... Как смотреть им в глаза, как брать у них деньги? Как называть мамой и папой?

Нинель улыбнулась:

– А тебе так хочется с ними жить?

– Нет, – ответила я. – Но какой у меня выбор?

– Выбор есть всегда, – ответила Нинель. – Ты можешь забыть все это. Заставить себя забыть. Ты получишь лишь еще один невроз, зато сохранишь все остальное.

– Что остальное? – спросила я. – Что у меня есть, моя жизнь и так сплошной невроз...

– Не буду тебя разубеждать, – понимающе кивнула Нинель. – Тебе виднее. Но есть еще один вариант.

– Какой? – Я ухватилась за ее слова, как падающий с небоскреба хватается за края перил. В этих словах была вся моя жизнь.

– Ты можешь присоединиться к нам, – улыбнулась Нинель. Она предупредила мой следующий вопрос, сразу ответив на него: – Та банда не простых детей воровала. Мы все индиго, очередная ступень эволюции человека. Мы – латентные носители сверхспособностей.

У меня глаза на лоб полезли:

– Сверхспособностей? Каких?

Нинель озорно подмигнула:

– Разных. Например, кому-то дано касанием руки исцелять сложные травмы... или, наоборот, заражать смертельной болезнью.

– Я о таком только мечтала, – тихо сказала я.

– Наши мечты отличаются от бесплотных мечтаний других, – ответила Нинель. – Мы мечтаем о том, чем можем овладеть. Эта способность скрыта в тебе, ее лишь надо раскрыть, и мы поможем в этом. Хочешь?

Наверно, по моему лицу все было ясно. Нинель кивнула:

– У тебя десять минут, чтобы собраться. Много с собой не бери, у нас все есть для новичков, все, и даже больше. Скоро ты увидишь горы и снег... много снега.

– Стой! А как ты... – удивилась я.

– У тебя планшет с геопривязкой, – пожала плечами Нинель. – За тобой заедет Харма. Вы уже знакомы. Он тебя хвалил, говорил, что ты бесстрашная, обычно его до усрачки пугаются.

– Я не о том... – сказала я, хотя сначала действительно хотела спросить именно об этом. Но теперь в голову мне пришел другой вопрос: – Нинель, а какая сверхспособность у тебя?

Она улыбнулась:

– А ты сама не догадалась? Ну, ведь догадалась же!

Я действительно не знала... или знала?

– Находить таких, как ты, – улыбнулась Нинель. – Индиго.

Выходит, знала...

Микеле Солариано Росси : погоня за Призраком

Как говорит мой дядя Родриго (которого я люблю примерно как собака блох, но другого у меня нет), если руки растут из нужного места, можно и из дерьма пулю слепить. Производством пуль из дерьма я не занимаюсь, мне вполне

хватает стандартных девятимиллиметровых патронов, но в целом дядя прав, *racco di merde*![10 - *Racco di merde* – экспрессивное итальянское выражение; буквально: «кусок дерьма»; используется очень широко.]

То, что стоит передо мной, выглядит как старенький, но крепко тюнингованный «Piaggio Tipphoon»[11 - «Piaggio Tipphoon» – семейство итальянских мотороллеров.], оно им и было, пока не попало в мои руки. С тех пор от старичка «Тайфуна» мало что осталось – сидушка, например, потертая местами до поролона, родная. А вот рама нет – она специальная, усиленная. Рессоры тоже новые, с перевитыми пружинами от тормозной системы беспилотника. И колеса мои, с гусматиком вместо ската, ни пропороть, ни прострелить, разве что из гранатомета возьмешь. Двигатель «Пьяжио» я убрал, вместо него засунул в колесо двадцатипятизвездочку стирлинга – нехило для мопеда? В спинке сиденья – гофрированная плита из титанового сплава, ветроотбойник, наоборот, из эластопласта. За счет своей гибкости он непробиваем даже пистолетной пулей, просто отпружинит ее, хотя, конечно, если садануть чем-то серьезным, не выдержит. Но я ж не на войну собрался, у полиции, слава богу, ничего серьезнее дробовиков и девятимиллиметровых «беретт» не водится.

Но это так, на крайний случай. Главное богатство находится справа и слева в «топливных баках» (настоящий топливный бак один и располагается под сидушкой; он взрывобезопасный, сверху у него не воздух, а расширяющаяся полиуретановая пена; там же аккумулятор, еще и место для тайника осталось). А ложные баки, которые, как и вся обшивка, сделаны из армированного кевларового сэндвича, легкого и не боящегося пистолетных пуль, содержат электронику. Дорогую, *cazarolla*[12 - *Cazarolla* – экспрессивное итальянское выражение, примерный перевод: «черт возьми», «пропади оно пропадом».], как «Мерседес», но оно того стоит, *Madre de Dio*! Справа – «стиратель», глушилка для радаров, лидаров и прочей излучающей техники. Здесь же схема, перехватывающая контроль над камерой (автоматически, прошу заметить, без моего малейшего участия), и компьютер, который всей электроникой управляет. А вот слева – аппаратура посерьезнее: глушилка связи (бьет даже спутниковую связь, я проверял; работает тридцать секунд, но при этом валит связь целого квартала, на полной мощности – рации, мобилки, навигаторы, даже *racco di merde*, радионяни) и гордость моей коллекции – штуkenция, похожая на полицейский лидар, но ничего общего с ним не имеющая. С помощью этой фигни я могу заглушить зажигание любого движка, стоит только взять его на прицел. Единственный недостаток – надо наводить, потому на ходу стрелять неудобно.

А те две трубы, что можно принять за глушаки, которые мне не нужны вовсе – стирлинг при работе только тихонько пыхтит и фыркает, как рыжий Риенци, кот моего дядьки, *va fa'n'culo*[13 - *Va fa'n'culo* – экспрессивное итальянское выражение, примерный перевод: «шел бы он куда подальше».], – это... вы сейчас упадете, это, *cazzabuene*, пусковые установки. Если все совсем уж печально складывается с фараонами – достаточно выдрать тросик из-под руля, и в воздух взлетит такой, *cazzarolla*, фейерверк – спаси и сохрани, Пресвятая Дева! Главное, самому зажмуриться и уши, если получится, заткнуть, а потом уруливать куда подальше, пока полицаи не оправились. Хотя *che cazza?*[14 - *Che cazza* – экспрессивное итальянское выражение, примерный перевод: «какого хрена?»] Даже если они и отойдут, все равно не догонят и не перехватят – вся электроника будет вынесена в половине Палермо. Кроме моей, которая экранирована.

Нормальное оружие у меня тоже есть – пара нестареющих пятнадцатизарядных «беретт» и нож-тычок на случай, если придется с кем-то поговорить чисто как мужчина с женщиной. Но главное мое оружие, *cazzarolla*, – это внешность. Ничем не примечательная, ни у меня, ни у мопеда. Таких, как я с Цезарем (как известно, всякая приличная машинерия должна иметь имя), в Палермо до фига и больше. Поди найди иголку в груди иголок...

Что до меня, то я в поездках заматываю шнобешник арафаткой: не то чтобы он у меня такой уж примечательный, но тетя Софи говорит, что мой отец с севера, венецианец, и я весь в него. Тетя считает меня красавчиком; отрадно, что некоторые девочки из нашего квартала, похоже, разделяют ее точку зрения, поскольку дают даже тогда, когда у меня в кармане пусто, как в заднице у повешенного.

* * *

– О девочках небось замечтался? – спросил дядька, спускаясь в гараж, где я как раз полировал Цезаря, поскольку, как известно, оружие любит ласку, чистку и смазку, а все остальное фигня. Цезарь – мое оружие и должен блестеть, как задница херувима. *Che cazza!* Этот *figlio di putana*[15 - *Figlio di putana* – экспрессивное итальянское выражение, примерный перевод: «сукин сын».] ходит бесшумно, как его сраный кот, и даже двери открывает бесшумно, *raso di merde!*

Честно говоря, дядьку я не перевариваю, хоть и живу у него с раннего детства. В принципе, заботились они с тетей Софи обо мне не хуже, чем о родных детях: кормили из того же котла, отвешивали подзатыльники не чаще (но и не реже), чем Джузеппе, Мануэлю, Джованни и Пьетро, своим сыновьям, а уж что до шмотья, то у нас с братьями никогда не было такого понятия, как «моя футболка» или «мои штаны», – если джинсов, в которых я пришел вчера ночью домой, нет на месте, значит, они на заднице кого-то из этой четверки. И все-таки Родриго я не люблю. Хотя бы потому, что он частенько грозился сдать меня в колонию для трудных подростков, пока не понял, что мои способности могут принести семье кучу кэша, не облагаемого налогом. После этого я стал жить как принц, но лишь потому, что начал, если можно так выразиться, работать на дядю. Причем, *cazzarolla*, в буквальном смысле. Сам дядюшка промышлял тем, что перебивал серийные номера на угнанной другими технике или потрошил оную, если сбавить не было вариантов. Джузеппе ему в этом помогал, а умник Мануэль подчищал записи о машинах в Сети, пока не сел за попытку взлома банка. Дурачок, куда он полез?! Хорошо, что нас всех тогда не замели. Теперь в Сети работает Джованни.

В этот бизнес я вошел, как заточка в бочину фраера, когда на спор приделал ноги прокурорскому BMW, который потом швырнул с обрыва в Мессинский пролив, за что огреб от дядюшки, поскольку, «если бы мы этот драндулет разобрали на запчасти, всю зиму могли бы кормиться». На следующий день я притарабанил в гараж дядьки новенькое «Бугатти» – ну на, разбирай. Дядя слегонца припух: из систем безопасности здесь разве что архангела с огненным мечом не было. Также в наличии имелась живая кобра, которую я заманил в кувшин с молоком, а потом отпустил на волю за городом. Зачем животину мучить?

Так я получил свой первый кэш, на который, кстати, и купил Цезаря, тогда еще полностью аутентичного. Потому что не фиг ходить по городу и рвать кроссовки, которые на мне так и горят. Блин, мы, говорят, Марс колонизируем, а одежда с обувью – *racco di merde*, причем что дорогая, что дешевая, *uno cazzo*[16 - *Uno cazzo* – экспрессивное итальянское выражение, примерный перевод: «один хрен».]

Вот так я и стал звездой цирка имени дяди Родриго, раз в месяц привозя ему на растерзание навороченную тачку. Чем и занимаюсь до сих пор. За что я не люблю дядю? Во-первых, он меня цинично эксплуатирует и ничуть этого не стесняется. Во-вторых, несмотря на то, что бизнес семьи завязан на мне, он все

равно относится ко мне как к убогому *расо di merde*. Никаких сантиментов – если бы я не был так полезен, дядька давно бы вышвырнул меня на подножные хлеба. Это тетушка Софи испытывает ко мне какие-то родственные чувства, с дядькой у нас нет ни капли общей крови. Вот и посудите. Думаю, он ко мне относится так же, как я к нему, но мы усердно делаем вид, что все в шоколаде, и это лицемерие бесит меня еще больше, даже не столько его, сколько мое собственное. Послать его подальше я не могу, он меня тоже. Мы нужны друг другу, и баста.

– А о чем же мне думать? – пожал плечами я, убирая масленку и вытирая руки ветошью. – Или ты в свободное время мечтаешь о мальчиках? Тогда я буду держаться от тебя подальше.

– *Va fa'n'culo, figlio mio*, – ответил он. – Есть работенка.

– Охренеть, – воодушевился я. – И что на этот раз?

Дядька достал из кармана недешевый мобильник (хрен бы он себе такой купил, если бы не мои подвиги) и включил голограмму. Между ним и мной на полу появился кусок улицы, расположенной в двух кварталах от нас. Там, возле супермаркета, среди «Фиатов» и «Ауди» стоял черный, похожий на катафалк, «Роллс-Ройс».

– И где мне искать этот рыдван? – уточнил я.

– Разуй гляделки, – посоветовал дядька. – Он на той стоянке третий день ошивается. На нем парочка приехала из Германии, девка молодая и черномазый. – Дядька плюнул на пол, выражая свое несогласие с расовой толерантностью, благодаря которой симпатичные девочки якшаются с неграми и прочими цветными. – Они сняли виллу к югу от города, наверно, трахаются день и ночь, как сраные кролики, а тачилу кинули на стоянке, будто здесь Берлин, а не Палермо.

– Вообще безбашенные, – согласился я. – Кто-то уже ломался сделать ей колеса?

– Джованни Канели хотел, да полиция повязала, – кивнул дядя. – У тачилы там все по-взрослому, бемцалок[17 - Бемцалки – собирательное название активных и пассивных устройств (жаргон).] полный багажник.

– Джованни лох, – ответил я. – Ежу понятно, что там бемцалки, и не только на виду. Слыш, это ж вроде супермаркет под Пабло?

Родриго кивнул.

– Чего он сам не берется? – спросил я. – Говорил с ним?

– Само собой, – кивнул Родриго. – У него кишка тонка такую тачилу нарисовать. Тут, пожалуй, кроме тебя, никто и не справится.

Я удовлетворенно кивнул: приятно, когда тебя оценивают по достоинству.

– Ясно. Вечером съезжу, порисую, если там не нужно будет готовить что-то, может, сразу и возьму. Куда ее гнать?

– На сортировочную. – Родриго ощерился в тридцать два своих имплантата. Кстати, зубы он вставил тоже на мои деньги. Не банальные протезы, а выращенные из собственного ДНК, cazarolla, так что каждый клык его пасти стоил примерно как Цезарь до того, как я с ним поработал. – Я приводной маячок поставлю, загоним в рефрижераторный вагон и разделаем как бог черепаху...

– Экранировщик прихвати, – сказал я. Экранировщик – еще один мой прибамбас, с его помощью любое помещение можно выдать за пустое, в смысле, для всякой электроники – инфракрасной там, лазерной... Конечно, военный самолет РЭБ так не обманешь, а вот вертолет карабинеров запросто, я проверял. У этой байды один недостаток – размером она с дорожный чемодан, а весит лишь чуть меньше меня. Хотя дядька, надо отдать ему должное, с матами и пыхтением носит ее один. – Надеюсь, ты со сбытом телиться не будешь, чет у меня предчувствие дерьмовое, cazza de diablo.

– Не ссы, есть у меня клиент, – обнадежил Родриго. – С утра еще нарисовался, сам и наводку дал на тачило...

– Знаешь, дядя, – сказал я, – это дело puzza il caccare cano[18 - Puzza il caccare cano – экспрессивное итальянское выражение, примерный перевод: «воняет, как помочная собака».]

– Так что, – дядька остановился у ступенек, он уже начал линять, да не успел, – не берешься?

– Рехнулся? – ответил я. – Берусь, конечно. Вот еще...

* * *

Дядька говорит, что Италия, а особенно наша Сицилия, всегда считалась бедной и преступной. Не знаю... пятьдесят лет назад было не так. Родись я в те времена, глядишь, получил бы высшее образование – стал бы инженером-автомобилестроителем, работал бы на «Фиате» или ОТО. Проектировал машины, а не воровал...

В принципе, выучиться можно и сейчас, но парню из глубинки это в напряг. Можно было бы автомехаником устроиться, но это не так доходно – автомехаников как блох на барбоске, и своих, и приезжих. Остается одно...

Черт, а ведь мне бы хотелось... придумывать машины, узлы, оборудование. Взять того же Цезаря – и его самого, и его начинку я на глаз слепил из того, что удалось достать, стибрить или выцыганить. А если бы у меня были знания да оборудование всякое... Я пытался разбираться с программами проектирования, но то ли я такой тупой, то ли с ними в одиночку не разобраться – ни хрена у меня не вышло.

Не вышло – и не надо; Цезаря я без всяких чертежей сварганил, все в голове держал. Стирлинга сам напечатал на 3D-принтере, как, кстати, и обе свои «беретты». Цезарь едет, «беретты» стреляют, из них даже можно попасть, если натренироваться. Вот патроны приходится тырить – теоретически можно напечатать патрон прямо сразу с порохом и капсюлем, а практически – где для этого взять порох, cazzarolla? В гипермаркетах он, в отличие от порошкового пластика и acciaio dei poveri[19 - Acciaio dei poveri – «сталь для бедных», обиходное название порошкового металла для 3D-печати.], не продается.

В общем, угоны – это так, постольку-поскольку. Мне действительно несложно (и, честно сказать, интересно) снять защиту с машины, взломать ее. Но я по этому не фанатею, с удовольствием занялся бы чем-то полезным, но так капусты не нарубишь.

Родриго дает мне сейчас десять процентов. Пока хватает, но лишь пока. А если мне приспичит жениться? Маловероятно, но, говорят, от суммы, тюрьмы и свадьбы зарекаться никому не стоит...

Братьям моим наш бизнес нравится. Нравится такая жизнь, легально-нелегальная, нравится нарезать понты и кадрить девочек, типа, мы крутые, как Валланцаска, угу. А мне все это кажется убогим. Да, я смотрел классические исторические фильмы, того же «Валланцаску», но во-первых, кино это кино, а во-вторых, теперь – это не тогда. Например, в те времена мафия действительно соответствовала своему названию «Cosa Nostra» – «Наше дело» (наше – то есть общее). И все были братьями, а сейчас даже родные братья каждый за себя, а случись что, пройдут мимо и не чихнут в твою сторону.

Вообще-то я не пессимист и не так много думаю о смысле жизни. Не до того, всегда есть дело поважнее. Люблю, например, девочек, и наших, и особенно туристочек с севера. Ключут они на мою симпатишную мордаху и непринужденность в общении. Но вот конкретно в тот день на меня чет накатило, как будто летела туча мимо, летела, летела да на голову села. Будто я что-то предчувствовал. Будто ждал чего-то плохого.

К стоянке я подъехал в одиннадцать вечера. Раньше было западло, на дворе лето, темнеет поздно.

Да уж, бемцалок в этом «Ройсе» оказалось больше, чем репейников на Риенци после того, как Федерико из соседнего квартала зашвырнул его в заросли на пустыре (за что я ему, в смысле, Федерико, а не коту, вынес три-четыре зуба и сломал предплечье в двух местах, ибо не фиг: твой кот, что ли? Заведи своего и пинай!) Но это все такие пустяки в сравнении со смертью и любовью... Вытащив свой главный прибамбас, чемоданчик с логотипом непотопляемой студии «Приват» на крышке, я разложил его, включил аппаратуру и стал колдовать.

Ух, вот это, я вам скажу, работа! Такой шарады я еще не видел – отключить всю машинерию можно было только в определенном порядке, и следил за этим бортовой страж – компьютер последней модели. Из тех, что умеют имитировать человеческий интеллект, и довольно убедительно. То есть вычислительная мощность там была – *mamma mia*!

Но я справился. Да по-другому и быть не могло. Если один человек что-то придумал, значит, другой может понять, что, где и как, – и взломать. Банальная логика...

Когда я закончил со взломом, было часа три. Летом ночи короткие, надо спешить, чтобы успеть до шести, когда людей на улицах становится слишком много и риск быть замеченным возрастает в разы. Но я все-таки несколько раз перепроверил все, что можно, и даже запустил двигатель на холостых. Нет, все отлично. Вся «паразитная электроника» находилась в глубоком нокауте.

Но все-таки я волновался, пряча в багажник Цезаря и садясь за руль. Что меня беспокоило? Все было правильно, имелась, *che cazza*, трудная задача, которую я решил. Все чисто, *racco di merde*, я победил, машинка моя – де-факто!

Я завел «Роллс-Ройс» и направился к железнодорожной станции, где в специально оборудованном рефрижераторном вагоне красавца разберут на запчасти. Меня стало клонить в сон, этого только не хватало, *racco di merde*! Я достал мобильник и включил музыку. Мы ехали через припортовую промзону; фонари горели плохо, на бетонных стенах вокруг дороги слабо фосфоресцировали граффити. В телефоне пела Марион, симпатичная девочка из Падуи. «Она небось не знает, что такое настоящая нищета», – с неожиданной злостью мелькнуло в голове.

Думаете, мне так хочется тырить чужие машины? Особенно под разделку? Мне было чертовски жалко этого красавца, которого вот-вот каннибализируют, жалко его хозяйку и даже хозяина, хоть тот и черномазый. К африканцам в Палермо особое отношение – слишком много выходцев из Африки осело в наших краях. Они даже пытались запугать и перековать местных жителей, что им почти удалось в Германии, но не учли, что имеют дело с народом, давшим миру Аль Капоне...

Cazarolla!!! Пока я размышлял, едва не въехал в столб на развилке. Ну да, паркотник-то я выключил, да и фары притушил, прячусь. Стоп, а откуда тут вообще взялся столб? Я эту дорогу знал как свои пять пальцев – никакого столба...

Che cazza?! Куда я вообще еду? Что происходит? Я дал по тормозам, но «Роллс-Ройс» продолжал катиться куда-то, насмешливо игнорируя мои усилия. Машина

мне не подчинялась, она только старательно делала вид, а сама везла меня... куда?

В тот момент я не думал, что потеряю Цезаря, я просто решил бежать. Cazzarolla, какой там мопед, когда такая фигня происходит? Но моя попытка улизнуть была тщетна. Двери оказались заблокированы. Bucco di culo![20 - Bucco di culo – экспрессивное итальянское выражение, примерный перевод: «Вот задница!»] Я в ловушке!

Извернувшись, я попытался высадить боковушку ногой. Ага, ten'cazzo![21 - Ten'cazzo – экспрессивное итальянское выражение, примерный перевод : «фигушки».] С таким же успехом можно было пинать сбирячий «Чентауро»[22 - «Чентауро» – боевой броневедомитель итальянских карабинеров.]. Зато я заметил, что машинка начала плавно сбрасывать ход. Не успел я принять нормальную позу в кресле, как автомобиль остановился и...

Все произошло моментально – двери открылись и рядом со мной плюхнулся здоровяк негр, один глаз которого был прикрыт повязкой, а на заднее сиденье с грацией балерины впорхнула юная особа. Особо полюбоваться ею мне сначала не удалось – черномазый ткнул меня в бок стволом чего-то куда более крутого, чем мои оставшиеся в багаже Цезаря «беретты», и, ощерившись, сказал с легким акцентом:

– Попробуй подними жиопу, и я тебе ие прострелю!

Я только плечами пожал, внутренне при этом обмякнув. Ну все, bucco di culo, приехали, cazza de diablo!

– Ах, какой красивый мальчик! – прошебетала девица сзади. – Прямо словно сошедший с картин Сандро Боттичелли, но, надеюсь, кхм... а, ладно.

– Кто вы? – спросил я, поразившись тому, как хрипло звучит мой голос. – Вы из полиции?

– Фу, мы что, похожи на сраных фараонов? – воскликнула она. Mamma mia, а я и не думал, что ругаться можно так... сексуально.

– Откуда мне знать, – пожал плечами я. – Ваш напарник похож, простите, на вышибалу в борделе, а вас я даже не разглядел.

Как ни странно, негр на мое замечание не обиделся, наоборот, расплылся в плотоядной улыбочке и сказал:

– Замиеть, милая, он уже второй, кто миеня отправляет работать со шлюхами... я даже подумываю, ние пойти ли и впрямь трудиться в публичный дом?

Он легонько ткнул меня в пузо своей пукалкой и добавил:

– Смиелый мальчик, но глупый.

– Может быть, – ответил я, понимая, что нарываюсь, – и что, *che cazzo*, на моем месте сделал бы умный человек? Со всем соглашался? Молил о пощаде? Так вот, *neanche cazzo*!

Девушка рассмеялась – ее смех звучал так, будто кто-то бросил на мраморные ступеньки горсть серебряных монет.

– Наш человек, а, Баррака? Ну, мальчик, обернись и скажи, похожа ли я на полицейского?

Я обернулся. М-да... видал я девочек красивых. И очень красивых видал, даже красивее ее. А может, и нет. В этой было что-то, отличавшее ее от остальных. Что-то даже не во внешности, что-то внутри.

– В полиции, конечно, есть симпатичные девочки, – сказал я. – Но такой, как вы, нет, да они и не заслуживают. Вы больше похожи на звезду 3D-видения. И если вы обиделись из-за того, что я угнал вашу машину...

Тут она вновь рассмеялась, еще больше монет поскакало вниз по воображаемой мраморной лестнице. Я говорил, что, возможно, встречал девочек красивее ее? Я врал, как *il caccare cane*, никого прекраснее я не видел, *cazzarolla*! Когда она смеялась, хотелось даже зажмуриться, это было невыносимо прекрасно.

– А ты ее угнал? – сказала она, отсмеявшись. – Тебе не кажется, figlio mio, что это мы с Барракой тебя угнали?

Я не знал, что ответить. Che cazzo, ну да, я попался, как последний лох.

Она протянула руку и коснулась моей щеки:

– Ладно, не переживай. Когда два гроссмейстера играют в шахматы, один из них проигрывает, но из этого не следует, что он дурак. Его соперник всего лишь оказался немного лучше. Мы тебя переиграли. Знаешь почему?

– Почему? – машинально спросил я.

– Честно говоря, мы не должны были тебя переиграть, Микеле, – серьезно сказала она. Я вздрогнул. Ей известно, как меня зовут? Но ведь это значит... – Потому что мы играли на твоём поле. Я не открою тебе секрет, если скажу, что нет такого механизма, с которым ты бы не справился. Я даже не понимаю, почему только машины? Почему не банки, не музеи, не картинные галереи? Ты бы не сфейлил, как Мануэль, у тебя бы получилось...

– Почему? – Она и про Мануэля знает! Che cazzo, да кто она такая?

– Потому что ты в этом деле бог. Ты знаешь, что такое индиго?

– Окраска кузова? – удивился я.

Баррака фыркнул. Девушка зыркнула на него строго.

– Н-да... ладно, так вот, просто запомни: мы не должны были тебя переиграть. Ты мог бы вычислить, как мы сумели спрятать иголку в груди иголок.

Che cazzo!!! Это было только мое выражение! Я даже не говорил его никому... Она что, телепат?

– Мог бы, – продолжала незнакомка. – Но тебя некому научить. Было некому. Но все меняется.

– В каком смысле было? – спросил я. – И, che cazz... мммм, простите, как вас зовут?

Она улыбнулась:

– А, да, извини, не представилась. Николь ди Контариди.

– Опа, – сказал я. – Вы что, родственница мэра Флоренции?

– Очень дальняя, – продолжала улыбаться она. Удивительно, когда эта девушка улыбалась, появлялось странное ощущение, что все хорошо и плохо не будет уже никогда. – А ты наблюдательный и эрудированный. Микеле, у меня к тебе есть деловое предложение. Тебе не надоело работать на дядю?

– Надоело, ad profundita di culo, – сказал я и покраснел. – Простите...

– Che cazza, я так похожа на ангела, что в моем присутствии нельзя упомянуть задницу? – спросила она весело. – Матерись сколько хочешь, я сама не прочь порой приложить, спроси у Барраки.

Негр коротко кивнул. Внезапно он даже показался мне симпатичным – не в том смысле, не подумайте. Как человек. Ну и что, что глаза нет?

– Так вот, – продолжила Николь, – предлагаю тебе послать своего дядюшку *va fan culo* и работать дальше только на себя... на нас.

– На нас? – переспросил я.

– На тебя, на меня, на Барраку, на других таких же, как ты...

– А есть другие? – удивился я. – Не слышал, чтобы кто-то угонял дорогие машины в товарных количествах. Нет, работали какие-то шныри на севере, но...

– Твои таланты угоном не ограничиваются, – ласково сказала Николь. – Разве ты никогда не мечтал проектировать машины, а не угонять их? Разве ты не хотел бы сделать Цезарю братьев и сестер?

Откуда она знала имя моего мопеда?! Я немного суеверен, потому никому его не говорил. Che cazza, это глупо, но я боялся, что если кто-то посторонний узнает имя Цезаря, его у меня угонят...

– Хотел, – ответил я. – Откуда вы знаете... что он Цезарь?

– Quod in multa sapientia multa sit indignatio[23 - Умножающий мудрость умножает печали (Экклезиаст 4:6).], – задумчиво проговорила Николь. – Прости. Я много чего знаю. Например, почему у твоей тетушки нет фотографий твоей матушки. Ты ведь ни разу не видел ни ее, ни отца, правда?

Я кивнул.

– Я знаю это. И тебе доступно очень многое. У тебя есть два пути: можешь выйти из машины и вернуться к дяде и тете. Без трофея, конечно. Если ты это сделаешь, то ничего не узнаешь... и меня больше никогда не увидишь.

Я сглотнул и сказал:

– Кажется, второй вариант мне нравится больше.

– Даже не зная, в чем он заключается? – Она немного переместилась, вытянув ноги так, что они попали в поле моего зрения. Я не особо там какой-то Казанова, но, cazza puova, эта пара ног стоила того, чтобы на них посмотреть и потерять глаз (я некстати вспомнил о Барраке и улыбнулся, он-то эти ноги видит постоянно...).

– Да.

– Тогда отвези нас в порт, яхтенный терминал С66... Нам предстоит морская прогулка. Ты любишь морские прогулки?

Летиция Лафлер : Ангел, поговори со мной

Я чувствовала себя такой счастливой! Даже несмотря на то, что находилась там, где вовсе не желала. О'кей, для меня находиться там, где не хочется, – привычное занятие. Более того – многие хотели бы поменяться со мной местами. И если бы это было возможно, я бы с удовольствием пошла на такой обмен.

Это было мое «рабочее место». Да-да, мне едва исполнилось шестнадцать, но я постоянно работаю уже четыре года, а до того работала эпизодически. Несмотря на все законы о защите детства. Просто большинство считают, что детей в первую очередь надо защищать от жестокого обращения, сексуальной эксплуатации, нищеты...

Наверно, это правильно, да что там – точно правильно. И конечно, на фоне судьбы маленькой девочки из Эфиопии, вынужденной обслуживать клиентов в тайском борделе, мне жаловаться на жизнь не комильфо. Это я слышала от всех, кому по простоте душевной пыталась рассказать о своих проблемах – от бэбиситтера до психолога. Кто-то говорил мягко, кто-то грубо, но смысл был всегда один. Зажралась. И пусть это слово не звучало напрямую, оно буквально висело в воздухе. Может, я чересчур... как это сказать? Может, у меня излишне развито воображение, но иногда мне кажется, что я умею читать по глазам. Это увлекательно, даже тогда, когда оставляет горькое послевкусие. Думаю, мало кому хотелось бы знать, что действительно о нем думают. А я знаю. Или мне кажется, что знаю. Несколько раз мои догадки находили подтверждение, так что...

Честно говоря, мне не понятно, как можно смешивать в своей душе восхищение и зависть, вожделеть и ненавидеть одновременно. Для меня это слишком взрослые слова, мне шестнадцать, а в душе я по-прежнему ребенок – может, потому, что слишком давно живу взрослой жизнью, так давно, что даже не помню, когда со мной общались как с ребенком.

Ненависть вообще плохое чувство, но одно дело, когда тебя ненавидят за твои проступки, и совсем другое – когда ненавидят за то, что ты существуешь. Когда тебе говорят комплименты, улыбаются – и мечтают плеснуть в лицо кислотой или изрезать скальпелем – не лазерным, не оставляющим следов на коже, а старым, металлическим, которые только в музеях и встретишь. Когда я иду по подиуму, когда стою перед зеленым экраном в окружении работающих камер – я читаю это в глазах окружающих. Восхищение и ненависть, зависть и желание. Иногда мне кажется, что эти чувства вообще неразделимы.

Я не сделала никому ничего плохого, но могу понять людей. У меня есть то, чего нет и не будет у них. Одни завидуют моей внешности, поскольку она совершенна. Не совсем от природы – моя дорогая маман с раннего детства занималась ее совершенствованием. Она говорила (и я даже помню это, где-то на подсознательном уровне, наверно), что первые два года моей жизни прошли в специализированной клинике пластической хирургии. Меня буквально перекраивали, сшивая заново, но с использованием средств столь совершенных, что никаких, даже малейших следов операций на моем теле не найдешь. И вот результат – я само совершенство. Говорю это не из хвастовства, о нет! Мое совершенство – это мое проклятие, я бы охотно отдала его в обмен... не на уродство, конечно, но на внешность вполне заурядную, простую. Вот только никто такого не предлагает.

Другие завидуют моему материальному положению. Конечно, маман старается оградить меня от внешнего мира, по крайней мере, за пределами нашего коттеджного городка, но это, к ее сожалению и моей радости, невозможно. Хотя бы потому, что она обожает хвастаться мной, причем ее хвастовство, как и все, что имеет отношение к моей маман, принимает эпические масштабы. Вы меня наверняка видели, просто не могли не видеть – в рекламе, в голофильмах, в кадрах светской хроники. Я модель, актриса, даже записала совершенно провальный музыкальный альбом (что, в общем-то, для моей маман не характерно, обычно все ее начинания имеют если не оглушительный триумф, то по крайней мере успех).

Причем все это не ради денег. Их у моей маман и без меня немерено: она вдова самого Райаниса Лафлера... Ах да, вы вряд ли знаете, кто это, поскольку, во-первых, он помер незадолго до моего рождения, то есть пятнадцать с лишком лет назад, а во-вторых, подобные люди вообще редко бывают на виду.

Чем занимался мой отец, наверно, даже моя маман не знала. Я пыталась выяснить это, искала в Интернете, серфила закрытые фтп-сети...

Вы слышали, что все модели дурочки? Так вот, я блондинка, и я сама овладела несколькими полезными навыками, в том числе программированием и 3D-моделированием. При этом да, я фотомодель. Можете штопать порванный шаблон.

...так вот, искала-искала и не нашла ничего. Кроме одного упоминания – еще в самом начале века некто Райанис Лафлер подозревался в организации сети по

доставке нелегальных мигрантов из Африки в Европу. Мог это быть мой отец? Вполне, поскольку на момент моего зачатия ему, судя по дате, выбитой на надгробии, перевалило за восемьдесят. В наше время, конечно, этим никого не удивишь, вон Рианне уже за девяносто, а выглядит так, что в нее до сих пор влюбляются подростки. Ну, мой отец – не Рианна, конечно, однако...

Так вот, как меня ни ограждай от реальности, я живу с открытыми глазами и розовых очков не ношу. Я видела семьи, проводящие жалкую жизнь в трейлерах, людей, ютящихся в брошенных авто или сортирующих мусор. Видела их детей. Я знаю, что в мире есть те, кто мечтает хотя бы о четырех стенах и хлипкой крыше над головой, а отдельная комната им кажется раем.

У меня в распоряжении целое двухэтажное крыло нашего с маман дома. Моя ванная комната больше некоторых квартир в Клиши или Клиньякуре. А терраса больше участков, на которых стоят дома довольно обеспеченных граждан, относящих себя к среднему классу.

Если бы кто знал, какой одинокой я ощущаю себя в этом доме!

Часто я засыпаю в слезах, думая о своем одиночестве, но иногда случается чудо. Во сне ко мне приходит ангел, невидимый ангел, от которого приятно пахнет классическим ароматом «Midnight Poison Dior» в смеси с табаком, крепким и слегка сладковатым... и тогда я вижу приятные сны. В этих снах на меня никто не смотрит. Наверно, именно ангел делает меня невидимой.

К сожалению, во сне нельзя остаться навсегда. Я встаю по расписанию, меня нежно будит имплантированный в правую руку прибор, возбуждающий мою эндокринную систему. Последующий выброс коктейля из адреналина с небольшой примесью эндорфинов поднимает меня на ноги бодрой, свежей и в целом довольной жизнью. Прибор уникальный, потому дорогой. Он работает с небольшим собственным компьютером, имплантированным мне за лобовую кость, и вся эта система регулирует мой обмен веществ таким образом, что мне довольно просто поддерживать хорошую физическую форму – достаточно двадцатиминутной зарядки утром и вечером. После зарядки я принимаю душ, завтракаю и отправляюсь к приходящим специалистам – визажисту и стилисту, ожидающим меня в моем собственном «кабинете красоты». Наведение лоска длится около двух часов. Пока специалисты колдуют над моим внешним видом, я успеваю почитать или посмотреть небольшой фильм (не голографический, чтобы не отвлекать стилиста с визажистом, а через VR-очки). После этого начинается

«рабочий день»: сначала съемки, потом – посещение различных мероприятий.

В тот день я должна была украшать собой званый ужин в Елисейском дворце. А до этого у меня были съемки в новой бутиковой галерее в одном из тех невероятных небоскребов, которые последние двадцать лет окружают старый Париж все более плотным кольцом. Признаться, я их боюсь – мне совершенно непонятно, как эти устремленные ввысь стрелы не падают под собственным весом. Наверно, у меня страх высоты – мои немногочисленные кошмары, спасибо психологам и электронным антидепрессантам, без которых я не засыпаю, всегда связаны с высотой. Однажды во сне я бежала куда-то, а вокруг, словно гигантские сосульки, валились эти страшные конструкции... Бр-р-р, вспомнить страшно!

И вот представьте, съемку назначили на самой верхотуре. Какой-то умник додумался построить ресторан в виде дворцового сада с прудом на крыше шестисотметровой иголки, пронзающей низкие облака, плывущие со стороны Лондона. Сад находился выше облаков, и я даже порадовалась, что в тот день оказалось довольно пасмурно, – с места, где производилась съемка, можно было видеть только слой этих самых облаков, напоминающих не то вату, не то серые снежные сугробы. Из всех парижских небоскребов лишь высотка, принадлежащая Д8, компании, довольно успешно борющейся за экологию (знаю их хорошо, поскольку пару раз снималась в их роликах, и эта работа прилась мне по душе – в Д8 работают искренние и по-настоящему верящие в свое дело люди), достигала того же уровня, так что казалось, что я нахожусь на вершине одного из двух островов в пенном море облаков.

Это зрелище показалось мне даже уютным, хотя я все равно не понимала, на фига в наше время делать натуральные съемки? С таким же успехом я могла отсняться в «зеленой комнате», а компьютер дорисовал бы все остальное. В наше время отличить компьютерную графику от реальности невозможно; например, у меня есть оооочень дорогое, как говорят, инновационное платье. Оно похоже на серый мешок, но если нажать пальцами на тактильную клавиатуру внутри лифа, встроенный в платье компьютер превращает его в... ну, там несколько вариантов, мне больше всего нравится легкое шелковое платье, какое носили в Италии в начале Возрождения.

Я бы и не упоминала об этой съемке, если бы не одно «но» – в какой-то момент мне показалось, что ангел из моих снов возник наяву. Внезапно я уловила знакомые ароматы и почувствовала ни с чем не сравнимое спокойствие. Но,

оглядевшись, испытала разочарование: ангелов поблизости не наблюдалось. Запах табака, вероятно, исходил от хрупкой девочки в комбинезоне, стоявшей поодаль, у самого ограждения, спиной ко мне, – наверно, техник или инженер, подумала я. Что до духов, вероятно, ими пользовалась одна из дам, присутствовавших на съемке: официально ресторан еще не был открыт, но, возможно, уже обслуживал кого-то из живущих или работающих в здании...

Я почувствовала себя обманутой, словно ребенок, попытавшийся откусить кусочек от рекламной голограммы мороженого. Но потом взяла себя в руки – вот еще, расстраиваться из-за таких пустяков! Нельзя терять над собой контроль, в конце концов, у меня будет тяжелый вечер...

Если бы я знала, что за вечер мне предстоит!

* * *

Все было как всегда – на меня по-прежнему пялились. Да, к несчастью, я родилась для того, чтобы стать красивой открыткой, вызывать вожделение и зависть. Женщины меня ненавидят – и желают быть на меня похожими. Мужчины желают меня – и тоже ненавидят, потому что я недоступна. Они покупают своим женам, любовницам, дочерям то, что я ненавязчиво демонстрирую в рекламе и голофильмах, наивно надеясь, что те станут хоть немного на меня похожими...

Суть в том, что мне необходимо было проторчать на виду какое-то время. Казалось бы, тоже мне, работа – делай что хочешь, только находишься на виду. Но как же утомляют такие взгляды! Чувствуешь себя голой и распятой. Просто кошмар. Была б моя воля – я бы с удовольствием ампутировала себе воображение, вот только как это сделать технически, современная наука еще не допёрла. А потому я торчала под перекрестным обстрелом чужих глаз, время от времени отвечала заученными фразами на чьи-то приветствия и ничего не значащие вопросы, терпела, когда меня панибратски подхватывали под локоток, обнимали и пошлепывали, хотя подобные вольности все-таки позволялись немногим. За этим бдительно следили секьюрити, о чем присутствующие знали и излишними попытками коснуться тела не изводили, зато уж глазами пожирали, едва ли не чавкая при этом...

При первой же возможности смыться я и смылась – мы были в Пассаже «Ришелье», и сбежала я в колоннаду второго этажа. Стемнело, и стало заметно прохладнее, но меня это не сильно беспокоило. Куда больше волновало то, что в десятке метров от меня находятся все эти...

– ...те, которых весь мир был недостоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли, – услышала я за спиной, одновременно почувствовала знакомый коктейль ароматов. Мое сердечко затрепетало, как у девочки, услышавшей в коридоре шаги любимого. Конечно, первыми словами ангела могла быть только цитата из Библии...

– Ничего, если я закурю? – спросил ангел, подойдя ближе и опершись на перила по левую руку от меня. – Курить хочется просто адски. Этот скучный прием даже *Angus Dei* может довести до белого каления...

– Вообще-то на территории дворца это запрещено, – пожала плечами я. То, что ангелы курят, меня, признаться, совсем не шокировало. Я позволила себе посмотреть на него или, если быть точной, на нее – ангелом оказалась девушка, невысокая, хрупкая, смутно знакомая. Конечно знакомая – не могла же я не узнать своего ангела! Даже не видя ее раньше, лишь чувствуя этот невероятно приятный, исходящий от нее аромат...

– Знаешь, Лесси, – так называла меня одна из моих нянечек, филиппинка, потому я не удивилась. Признаться, это имя нравилось мне больше официального, которым всегда величала меня маман, – мне нет дела до того, что разрешено и что запрещено кем-то. Запреты не для таких, как мы с тобой. Я лишь хотела узнать, как ты отнесешься к тому, что я добавлю немного смол и углекислоты в и так не особо чистый воздух Парижа. Я знаю, что ты не куришь...

– Да кто бы мне продал, – вырвалось у меня. – Табак продают с двадцати одного, а мне...

– Почти шестнадцать, – кивнула девушка-ангел. – И ты определенно не из тех, кто нарушает правила.

Она сделала паузу для того, чтобы прикурить. Как именно – я так и не поняла; зажигалки у ангела не было, огонек просто затлел на кончике старомодной тонюсенькой сигареты с хорошо знакомым сладко-горьким запахом...

– Сказать по правде, эти два часа дались мне тяжело, – призналась знакомая незнакомка. – Не привыкла я к такому скоплению народа. Утомительно, правда?

– Не то слово! – кивнула я.

– Душно, – продолжила она, прикрыв глаза. Ее ресницы были густыми, с чуть рыжеватым отливом. Впервые в жизни я смотрела на другого человека с таким интересом, с которым обычно смотрят на меня, – причем дело совсем не в кондиционерах, их хватает, работают они исправно. Душно от этих взглядов, наполненных...

Она замолчала, словно приглашая продолжить фразу.

– Грязью, – сказала я. – Похотью, злобой и...

– ...завистью, – закончила за меня она и улыбнулась так мягко, так сочувственно. – О, если бы они знали, с чем имеют дело... нет, ничего бы не изменилось. Однажды к ним приходил Бог. Он был похож на тебя – такой же прекрасный и необыкновенный. И добрый – он мечтал подарить им вечность. А они его убили. Прибили к дереву гвоздями и смотрели, как он умирает, медленно, мучительно. Не от боли – от пустоты их сердец, от грязи их душ.

Я вздрогнула. А она продолжила:

– Тебе ведь хочется убежать от них? Скрыться, исчезнуть?

– Да, – ответила я.

В ее словах вроде бы не было ничего необычного, но звучали они как-то по-особенному, так, что становилось понятно – это не обычные вопросы скучающей мадемуазель.

– Стать невидимой для них? – спросила она.

У меня даже дух перехватило.

– Да! – ответила я, как девушки в фильмах категории 21+ (видите, я не столь законопослушна, как считает мой ангел) отвечают на самые непристойные предложения.

– Давай попробуем? – Внезапно ее лицо оживилось, в глазах промелькнула озорная искорка.

– В каком смысле? – не поняла я.

– В самом прямом, – ответила моя знакомая незнакомка. – Просто представь, что они тебя не видят. Тебя вижу только я.

– И какой в этом смысл? – Ее слова казались безумными, но почему-то я отказывалась верить, что это безумие. – Что толку, если я...

– Просто поверь, – попросила она. – Поверь, как поверила в то, что ночами к тебе приходит ангел... и что однажды ты встретишь его наяву.

И когда она сказала это, я вдруг поняла: я действительно верила в то, что такая встреча возможна, хотя прятала свое чувство от всех, прежде всего от самой себя. И вот мой ангел стоит рядом, выпуская в вечернее небо Парижа серебристо-белое облако табачного дыма.

– А если у меня не получится? – спросила я.

Она наклонилась ближе, едва не коснувшись щекой моей щеки:

– Обязательно получится, Лесси. Я верю в тебя. Разве веры твоего ангела-хранителя мало?

– Нет, – решила я. – Если ты пойдешь со мной.

– Конечно, – улыбнулась она. – Идем!

* * *

Все было как во сне. Как в моем прекрасном сне. Даже запах, окутывавший меня.

– Они нас не видят! – произнесла я хриплым шепотом, проходя мимо еще одной группы гостей. Гости были заняты неспешной беседой, их взгляды лениво скользили вокруг, время от времени останавливаясь на ком-то из присутствующих, но ни один не коснулся меня.

– И не слышат. – Голос ангела был совершенно спокоен. – Можешь не шептать.

– Что, неужели совсем? – спросила я. – Не видят, не слышат...

Мимо пронесся официант. Я едва отстранилась, чудом избежав столкновения.

– Хочешь проверить? – улыбнулась моя новая подруга. – Смотри.

Она взяла меня за локоть, заставляя остановиться. Мы находились прямо посреди зала. Вокруг ходили группки приглашенных, сновали официанты...

– Горе тебе, Хоразин! – сказала она так громко, что эхо ее голоса отразилось от сводов зала и вернулось к нам: «азин... азин...». – Горе тебе, Вифсаида! Ибо, если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они, сидя во вретище и пепле, покаялись. Но и Тиру, и Сидону отраднее будет на Суде, нежели вам. И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься!

– ...можете даже не сомневаться, – не обращая внимания на мрачное пророчество моего ангела, вещал тучный мужчина буквально в паре шагов от нас. – Или нам удастся уговорить египтян уступить часть акций Суэцкого хаба, или мы построим новый, в Хайфе. Напряженность снижается, и...

– Но зачем? – отвечал его собеседник. – После третьего Омского протокола наращивать мощности по переработке газа нет смысла.

– Наращивать? – возмутился мужчина. – Нам бы свои загрузить! Заводы в Бюховене работают на тридцать процентов, и эта цифра снижается...

На слова моей спутницы никто не обратил внимания. Никто. Причем ее не проигнорировали – сказанное просто никто не услышал.

Моя новая подруга рассмеялась. Ее смех был таким мелодичным, таким восхитительным!

– Пир во время чумы, – заметила она, беря меня под локоть и увлекая за собой. – Чурбаны бесчувственные...

– Как ты это сделала? – спросила я изумленно.

Теперь я верила, что нас не видят и не слышат. Я стала невидимой, я стала тенью, неуловимой, неосязаемой!

– Я? – улыбнулся мой ангел. – Ну что ты, Лесси, это не я сделала...

Она остановилась возле двери в коридор, ведущий на улицу.

– Слушай, я вот что подумала. – Она наморщила лоб, не теряя при этом ни грамма очарования. – Это «Лесси»... мило, конечно, но, прости за откровенность, звучит как собачья кличка. Можно я буду тебя называть... мmmm, скажем, Тень?

– Конечно, – с энтузиазмом ответила я. – А как мне называть тебя?

– Нинель, – ответила она. – Нинель Ле Малин. Конечно, ты можешь продолжать считать меня ангелом, но тебе не кажется, что моя фамилия для этого немного неподходящая?

И тут прямо на нас выскочил здоровенный мужик, возможно, кто-то из obsługi, вряд ли это был официант, скорее охранник. Он неся прямо на Нинель, но та грациозно подалась в сторону, при этом отставив ногу так, что торопыга споткнулся и упал. Мы некоторое время наблюдали, как незадачливого громилу поднимают подоспевшие служащие, при этом один из них, вероятно начальник, отчитывает бедолагу за нерасторопность, а тот оправдывается, что очень спешил и, наверно, поскользнулся.

– Фамилию не выбирают, – пожала плечами я. – Меня вполне устроит Нинель, mon Ange Le Malin[24 - Оксюморон – в переводе с французского – «ангел зла», бессмысленное выражение вроде «живого мертвеца» или «круглого квадрата»]. Так ты говоришь, что это сделала я? – Я указала рукой на красного от стыда

громилу, смущенно стряхивающего несуществующую пыль с фирменных брюк.

– Именно, – подтвердила Нинель. – Не то чтобы я была неспособна на такое, но мне бы для этого пришлось поднапрячься, а у тебя все само собой получается...

– Но почему? – удивилась я. – И главное, как?

– А как ты читаешь мысли по взглядам? – поинтересовалась она в ответ. – Или ты, как и твоя так называемая маман, думаешь, что это лишь фантазии?

– Почему «так называемая»? – удивилась я.

– Потому что она тебе не родная, – объяснила Нинель. – Но это долгая история. Знаю, что вы похожи, знаю, почему похожи... я вообще много о тебе знаю.

– Потому что ты такая же, как я? – У меня в голове появилась безумная, но очень приятная догадка. – Ты – моя старшая сестра?

– Можно и так сказать, – кивнула Нинель. – Определенно, в наших генах много общего. Впрочем, у тебя, милая, большая семья.

– В смысле? – не поняла я. – Я знаю только матушку. Отец умер, другие родственники...

– Твой отец еще меньше тебе родственник, чем маман, и уж куда меньше, чем я или другие дети R.

– Дети R? – не поняла я. – Кто это?

– Твои братья и сестры, – ответила Нинель. – И мои. Знаешь, наверно, пора поговорить о главном, о том, зачем я здесь.

– Зачем? – Я почувствовала разочарование. Я уже успела присвоить Нинель, сделать ее своей, и искренне верила, что она – мой ангел-хранитель.

– Не стану спрашивать, довольна ли ты своей жизнью, – сказала девушка. – Я знаю, как ты ею тяготишься. К сожалению, никто не воспринимает твои проблемы всерьез, но, мои ами, от того, что проблемы считают несерьезными, менее болезненными они не становятся, правда?

Я кивнула.

– Ты мечтаешь о побеге. – Она подошла ближе, словно хотела меня обнять, однако замерла в нерешительности. – Но не знаешь, куда бежать. Даже рай бывает адом, и ты не делаешь последний шаг только потому, что думаешь: вдруг за пределами твоего комфортного ада будет еще хуже, да?

Я снова кивнула.

– Я пришла к тебе с благой вестью, – продолжала Нинель. – Есть место, где тебя ждут, есть люди, которые тебя любят. Конечно, ты к такой жизни не привыкла; тебе придется работать над собой, развивая свой дар, становясь все сильнее. Зато никто не будет видеть в тебе ни куколку-в-постели, ни дорогой предмет обстановки...

Я молчала. Не потому, что сомневалась в словах Нинель. Не потому, что боялась. Точнее, нет. Я боялась. Боялась, что это лишь злая шутка, розыгрыш, что приоткрывшаяся дверь клетки вот-вот захлопнется...

– ...но если тебя не устраивает мое предложение, можешь вернуться домой, – продолжила Нинель. – Между прочим, у тебя послезавтра важное мероприятие, о котором тебе еще не говорили: маман хочет познакомить тебя с твоим будущим мужем. Хороший мальчик, недавно закончил Национальную школу администрации, а сейчас уже исполнительный директор БНП.

У меня в душе все похолодело... не то чтобы это стало для меня сюрпризом, наоборот: маман никогда не скрывала своих планов в этом отношении. Она прямо говорила, что подберет мне лучшего мужа во Франции.

Выходит, подобрала.

Я бросилась к Нинель, буквально схватив ее в охапку и, кажется, даже немного удивив.

– Не покидай меня, *diabolique est mon ange!* – воскликнула я с жаром. – С тобой я пойду куда угодно, хоть на край света, хоть к иным мирам. И не боюсь я никаких трудностей. Если ты пришла из ада, возьми меня туда, но не бросай в моем крошечном раю...

Нинель отстранилась, лукаво посмотрела на меня и неожиданно щелкнула по кончику носа.

– Люблю начитанных, у них речь богаче, – сказала она. – Ну чего ты такая пугливая? Я больше не сон, я с тобой и никуда не денусь. Я возьму тебя с собой в мой мир, и это не ад, несмотря на мою фамилию. В аду не бывает так холодно...

Элиаху Гольдблюм : Небо, которое смотрит на нас

После вечерней игры, когда я уходил с поля, тренер остановил меня и велел зайти к кабану. Кабан – это сокращение от «кацин бриют нефеш», офицер душевного здоровья, или, попросту говоря, штатный психолог. Поскольку мой интернат организационно включен в структуру ГАДНА[25 - ГАДНА – добровольческая молодежная организация в Израиле, готовящая подростков от 13 до 18 лет к службе в Армии Израиля.], преподаватели у нас сплошь военные, хотя все уже отставники. Вообще-то меня бы с руками оторвал любой футбольный клуб, вплоть до «Макаби», но я пошел сюда. Это было компромиссом между мной и отцом, поскольку в любом другом месте я получил бы освобождение от призыва. А мне хотелось служить в армии столь же сильно, как мой отец этого не хотел.

Отца можно понять – он кадровый военный, участник боевых действий... то есть, конечно, не боевых действий, а контртеррористических операций. В последнюю войну за территории (которой как бы не было, поскольку мы потерпели поражение... которого тоже как бы не было, ну, в общем, это политика, а мне политика до лампочки) его катер утопили два штурмовика соседей. Сам отец проболтался в море двое суток, пока его не подобрал турецкий сухогруз, после чего лежал с пневмонией и осложнениями в госпитале. Потом комиссия сочла

его негодным для прохождения дальнейшей службы и списала на берег, с почестями и солидной пенсией. С тех пор отец ненавидит все, что летает выше десяти метров от земли, – от чаек до спутников.

При чем тут я? А при том, что отец втемяшил себе в голову, что на военной службе я непременно погибну. У него целая теория на сей счет – дескать, генералы разжирели, разучились воевать и любые реальные боевые действия закончатся для ЦАХАЛ[26 - ЦАХАЛ – Вооруженные силы Израиля.] катастрофой вроде Курской дуги или Дебальцевского котла. Типичная боевая психологическая травма, как сказал все тот же кабан: после того как два штурмовика издевательски изрешетили из тридцатимиллиметровых пушек отцовский «пибер»[27 - Пибер – от аббревиатуры PBR, патрульный катер, жаргонное название небольших быстроходных катеров ВМС Израиля.], вырывая куски его пластикового корпуса, а экипаж ничем не мог ответить, немудрено разувериться в самой возможности победы.

По правде, я вовсе не такой воинственный, как может показаться, и, вероятно, люблю войну не больше, чем отец. В конце концов, именно война отняла у меня мать. (Конечно, это был теракт, а не боевые действия, но то, что творилось в нашей стране в тридцатых-сороковых, являлось продолжением той проигранной невойны.) Однако мой пока не богатый жизненный опыт подсказывает, что от проблем ни в коем случае нельзя бежать. Потому что убежать от них так же реально, как пытаться скрыться от своей тени. Надо идти навстречу проблемам, а если предстоит драка – драться.

В душе я sentimentalен, как девчонка, но никто не посмеет сказать мне это в лицо. Когда я был маленьким, меня били в школе, и от безысходности я научился давать сдачи. Выяснилось, что это неплохо помогает. Я совсем не хотел становиться крутым Уокером, очередной ремейк которого как раз крутили по головидению, но если для того, чтобы остаться собой, надо сделаться жестоким, придется платить эту цену. Мне нравится моя sentimentalность, потому я готов отстаивать ее в драке.

В общем, уклоняться от военной службы я не желал, а отец не хотел, чтобы я служил, и компромисс был найден – в виде спортивного интерната ГАДНА с уклоном в футбол и регби. Здесь мы проходили тиронут[28 - Тиронут – общеобязательный курс начальной военной подготовки в ЦАХАЛ.], а параллельно тренировались. И если первое мне было по душе, то второе совершенно не нравилось.

Нет, я вовсе не какой-то задохлик, наоборот, физически, пожалуй, крепче сверстников, а уж моей реакции можно только позавидовать. Я действительно мог бы стать кем-то вроде Пеле, Роналду или Нихамутдинова – легендарным форвардом-бомбардиром, вот только футбол не задевает в душе ни одной струночки. Мне он неинтересен. Тренер пытался найти ко мне подход, но махнул рукой и передал меня кабану. Удивительное дело, я заметил, что взрослые охотно спихивают все неразрешимые проблемы в общении психологам, словно те волшебники. Мой современник верит в силу психологии так же сильно и безосновательно, как доисторический человек в магию и колдовство.

Вот только на меня эта магия не действует.

* * *

У кабана я частый гость, именно из-за своего сложного характера. Вот блин. Я абсолютно неконфликтный человек: когда меня не трогают, я тоже никого не задеваю. Честно признаться, где-то там, в глубине души, я боюсь. Боюсь даже тогда, когда дерусь, даже когда побеждаю. Хотя последний раз дрался я, помоему, года два назад, как только в интернат попал. Типа процедура приема новичка, ну, вы понимаете. Я тогда хорошенько врезал местному здоровиле, Шломо, а если совсем точно, то не ему, а им об стену. В драке надо двигаться быстро, на одну силу полагаться глупо. Я оказался быстрее – перехватил его за шкирятник, когда он пригнулся, пропуская мой прямой в челюсть, и шваркнул головой о ближайшую стенку. Потом спросил, не надо ли добавки. После этой драки меня какое-то время считали нормальным и ученики, и учителя, но это быстро прошло, а потом я впервые очутился на приеме у психолога с красноречивым диагнозом «мишигене»[29 - Мишигене (иврит) – чудака, странный (жаргон).]. Это слово я часто слышал от отца, от сверстников, так что не привыкать. Даже уже не обижаюсь на это, почти. Кабан сначала мне посочувствовал и сказал, чтобы я не обращал внимания, но, пообщавшись со мной, понял, что получил на свою голову еще ту болячку.

Все очень просто – я не влезаю в привычные шаблоны. О чем должен думать парень вроде меня? О девочках, о кэше, о том, чтобы быть круче, ну и все такое. Меня все вышеупомянутое интересовало постольку-поскольку. Будь я забитым мальчиком-интеллигентом со скрипочкой, кабан бы такому не удивился, но видеть перед собой крепкого парня, которому, кажется, на роду написано забивать голы на чемпионате мира и пачками укладывать девочек в койку и

которому это не то чтобы совсем неинтересно, но, скажем, не принципиально, – это ни в какие ворота. И что тогда я забыл в спортклубе ГАДНА? Одно дело на гражданке, там ты хоть на голове ходить можешь, но армия – совсем иное. В общем, кабан принялся лечить меня от моей головы, хотя и без особых успехов. На сегодняшний день между нами ничья – он не смог превратить меня в нормального, вроде всех остальных, а я не смог убедить его от меня отцепиться.

Кабан говорит, что дурость делает меня одиноким, потому что странный – это всегда опасный и непонятно, что у меня на уме. Я отвечаю, что ничего у меня на уме нет, и это почти правда. Всю жизнь я мечтал стать летчиком. Самолеты кажутся мне верхом совершенства, они прекрасны, как Тэмми Гала[30 - Гала, Тэмми – израильская певица, актриса и скрипачка конца XXI века. Известна своими красочными гала-шоу и откровенными фотосессиями (3D-модель обнаженной Тэмми имеется в свободной продаже).]. Но как сказать об этом отцу? Для него эти прекрасные существа – ангелы смерти, и я знаю, что ему часто снятся те два «Су», которые превратили его суденышко в ошметки. Самое странное, что пару раз я сам видел этот сон, хотя на борту папиного катера не был по понятным причинам – на момент его затопления до моего рождения оставалось чуть больше двух лет. То еще зрелище, доложу я вам, – страшное, но и красивое, хотя папа эту красоту вряд ли оценил, и я его понимаю – это ж был его катер, а не абстрактное углепластиковое корыто. Я потом аккуратно расспросил отца и понял – мне действительно снился бой, которого я не видел да и не мог видеть. Чудеса!

Так что дорога в небо была для меня закрыта, но небо оказалось единственным, что меня манило. Я мог, без преувеличения, часами глядеть на звезды. Я знал их имена, знал орбиты, параметры движения и характеристики всех спутников, орбитальных станций и космических кораблей, пролетавших над Вадии-Аравой, посреди которой располагался рукотворный оазис моего интерната. Наверно, я должен был удивиться, когда понял, что могу довольно точно определить параметры почти любого летательного аппарата, но меня это не удивляло, как не удивляло, например, то, что я угадывал движения мяча и соперников на поле. Мне не надо было бегать, ведь я мог вполне спокойно оказаться в нужном месте, не тратя особых усилий. Тренер же критиковал меня и все мои голы и голевые передачи считал чистой удачей, на которую нельзя полагаться. Чтобы хорошо играть, я должен был научиться играть в команде. А я не хотел. Мне и одному хорошо.

Мне хорошо одному, но это не значит, что мне совсем никто не нужен. Я был бы рад, если бы нашел человека, с которым мне интересно. И совсем не обязательно, чтобы его так же, как меня, увлекало небо, – достаточно и того, чтобы с ним просто не было скучно. А пока мне скучно со всеми, и в первую очередь – с кабаном.

* * *

Я ожидал новую порцию душеспасительно-мозговправительных бесед. Ждал очередного пережевывания все той же жвачки. «Элияху, у тебя стресс, и ты сам в этом виноват! По всем раскладам никакого стрессу у тебя не должно быть. Ты сам себе проблема, спотыкаешься об самого себя. Попробуй жить как все и увидишь, что тебе самому от этого будет лучше». Блин.

А вам никогда не приходило в голову, что если бы такие мишигене, как я, умели жить как все, вы бы никогда не узнали, что они хоть чем-то от вас отличаются? Или думаете, нам хочется быть странными, не похожими на других, вызывая этим недоверие и раздражение? Я пытался дружить с ребятами, но от этих попыток и я, и они чувствовали себя не в своей тарелке. Я встречался с девочками, но у меня никогда не заходило дальше поцелуев под звездным небом, и это несмотря на то, что – я знаю, поверьте, – меня хотят многие. Когда одной, правда, уже далеко не девочке, удалось меня совратить на то, чем безосновательно хвастаются другие ребята, я не испытал особого «упоения». Пожалуй, единственным плюсом стало то, что я теперь мог понять, когда мои сверстники врут о своих победах, а врут они почти всегда. Секс мне понравился так, как нравится, например, крем-брюле – вкусно, но из-за его отсутствия особо не страдаешь. Честно говоря, меня вообще мало что в жизни способно расстроить. И я действительно не понимаю, о каком стрессе талдычит психолог, – конечно, иногда я испытываю душевную пустоту, одиночество, какую-то тянущую тоску, но ничего ужасного.

Порой я чувствую себя совсем одиноким, как одна планета, которая часто является мне в моих фантазиях. Эта странная планета, которую я, скорее всего, выдумал, улетает от солнца так далеко, что и представить трудно, куда-то за пояс Койпера, где темно, как в гробу, и холодно, как... даже не знаю, с чем сравнить. Мне кажется, когда-то на этой планете жили люди, но потом почему-то бросили ее, и теперь она, покинутая, несется в чужих холодных глубинах космоса как символ абсолютного, ни с чем не сравнимого одиночества...

Короче, я шел к кабану «отбывать номер». Первое, чему учит армия, – даже если ты мозгами понимаешь, что отданные тебе приказы бесполезны, тихо промолчи и сделай. С тебя корона не упадет, а проблем меньше.

В конце концов, я ж не принц Голконды, могу послушать с невинным видом наставления стареющего полковника, от меня не убудет. Я ж ему не деньги одалживаю... тьфу. Я успокаиваю себя подобными мыслями, но без особого успеха. Не люблю визиты к психологу, не люблю футбол, не люблю интернат. Я...

* * *

Однако в тот день меня ждал сюрприз. Кабан был не один.

Нет, не так. Даже не знаю, как сказать, потому объясню, как сумею.

Сначала я увидел ее.

В нашей армии девушки не редкость, так уж повелось. Призыв обязателен для всех, и отсрочкой пользуются немногие. Даже среди слабого пола.

Видал я девочек симпатичных, но все они в армейском шмотье выглядят как-то не так. Что ни говори, а военная форма женщинам не к лицу, определленно. Выскажи я эти мысли вслух, к списку моих странностей добавилось бы клеймо сексиста, потому свои выводы я держу при себе. И вот, словно в насмешку над моими мыслями, в кабинете кабана возникла она. На ней была серая (почти как нацистское фельдграу) униформа ВВС, при этом незнакомка без лишнего стеснения села так, что юбка поднялась выше колен, обнажая стройные загорелые ноги. Лучше ног я не видал с рождения и даже, простите за откровенность, в голофильмах для взрослых. Хотя голофильмы, по-моему, в эстетическом смысле проигрывают даже старенькому 3D – все недостатки фигуры как на ладони... порой и в буквальном смысле, если у вас есть голографический планшет. Первая моя мысль после того, как мозг запечатлел образ гостьи кабана, была о том, что если она, судя по трем золотым шпалам на погонах, капитан ВВС, киноиндустрия понесла тяжелую утрату. Фигура девушки оказалась настолько безукоризненна, что даже униформа, пошитая явно не на таких афродит, ничуть не портила впечатления, а пожалуй, даже наоборот.

Я встретился с ней взглядом, и мне пришел конец. Раньше я и представить себе не мог, что может быть что-то прекраснее, чем полунощная россыпь звезд над Вади-Аравой, но в сравнении с ее глазами все эти звезды казались лишь тусклыми пятнышками на унылом небосклоне.

Девушка приветливо улыбнулась и кивнула мне.

– Вот он, гэврэт-кцина[31 - Гэврэт-кцина – госпожа офицер. Обращение к старшей по званию женщине-офицеру.], – сказал кабан, – принимайте с рук на руки, не пойму лишь, зачем он вам. Но мне, по крайней мере, одной головной болью будет меньше.

Я еще раз бросил взгляд на погоны девушки. Все правильно, сэранэт – капитан, тогда как кабан – сган-алуф, на два звания старше. Но такое впечатление, что она тут командует, а он подчиняется.

Тем временем девушка кашлянула:

– Можно не так официально, кацин-якар?[32 - Кацин-якар – дословно – «дорогой офицер». Неофициальный паллиатив выражения «товарищ офицер», применяемый между незнакомыми людьми, равными по званию, в неофициальной обстановке (или начальником по отношению к подчиненному). Широко употребляется с 50-х годов XXI века.] Мне было бы комфортнее, если бы вы называли меня просто по имени.

– Как скажете, гэврэт Нааме, – покорно склонил голову кабан, а девушка-капитан подмигнула мне:

– Подходите, Элиаху. Садитесь. Я решила пообщаться с вами здесь, чтобы вы заранее не тревожились. Как сказал кацин бриют нефеш, я очень заинтересована в дальнейшем нашем сотрудничестве и не хочу, чтобы вы воспринимали его с опаской.

Она изящно облокотилась о край стола, чуть склонила голову и посмотрела на кабана, старательно отводившего взгляд.

– Скажите, уважаемый сган-алуф, с чего вы решили, что ваш подопечный будет мне неинтересен? Неужели потому, что впервые за свою практику не сумели найти подход к юноше?

Кабан вздрогнул, словно под холодный дождь попал. На гэврэт Нааме он старался не смотреть.

– Видите ли, гэврэт, – ответил он глухо, – я действительно не знаю, чем вашему ведомству может пригодиться Элияху. Разве что вы собираете футбольную команду, но в этом случае придется как-то замотивировать его забивать голы – он это умеет, но не хочет.

Откровенно говоря, гэврэт Нааме достаточно было просто попросить меня – и я с готовностью согласился бы даже в одиночку забивать сборной саудовских или китайских легионеров. Я тоже старался не смотреть на очаровательного капитана – нельзя глазеть на солнце без риска ослепнуть, а на такую женщину – без риска влюбиться... хотя, кажется, мне лично уже поздно было пить минералку и притворяться, будто я не видел эти черты, столь совершенные, словно Господь изваял их не из глины, а как минимум из белого золота...

Нааме тем временем очаровательно улыбнулась кабану:

– Вот как... Простите, кацин, сколько лет вы уже на пенсии?

– Какое это имеет значение? – удивился кабан.

– Наше государство дает всем военнослужащим право работать после достижения пенсионного возраста, – мягким, воркующим голосом пояснила девушка. – Но вы должны хорошо знать, что право – вещь относительная: вы можете служить, пока на все сто выполняете свои обязанности, но если вы... – Нааме прищурилась, – как говорится, потеряли нюх, возможно, лучше отправиться на заслуженный отдых. Армия содержит в своем штате котов, охраняющих продуктовые склады от грызунов, но зачем ей кот, который не ловит мышей? Зачем армии кабан, не способный понять, с каким сокровищем имеет дело?

Кабан опять вздрогнул – определенно Нааме он боялся.

– Что вы такое говорите, гэврэт-кцина? Думаете, я не понимаю, насколько Элиаху превосходит своих товарищей? Но, говоря вашим языком, какой смысл в совершенном оружии, которое не стреляет? Элиаху не имеет никаких целей, ни к чему не стремится, он обладает талантами – и никак не желает...

– ...или не может пожелать, – перебила его Нааме. – А не может потому, что вы не дали ему раскрыться. Кацин, вы должны стать для новобранца тем, чем солнце и роса являются для цветка, но вашего тусклого света не хватило на то, чтобы этот цветок раскрылся.

Нааме поднялась с кресла – двигалась она плавно и быстро, как кобра, но не невзрачная, вроде тех, что встречаются на Синае и в Египте, а индийская, которую, по-моему, называют королевской. Завораживающе-быстрая и, внезапно подумалось мне, не менее опасная – то-то кабан струхнул...

– Вы говорите, у него нет цели? Но, может, все дело в том, что вы не интересовались его целями? Вы сразу постарались подогнать его под свои, заставить следовать по указанному пути. Не понимая, что такие, как он, не двигаются в чужой колее – они прокладывают свою!

Я кашлянул, привлекая внимание, и, не глядя на гостью, сказал:

– Простите, гэврэт-кцина, мне, конечно, очень... лестно, что вы так обо мне отзываетесь, но боюсь, кабан... простите, кацин бриют нефеш, к сожалению, прав: я действительно не знаю, к какой цели мне стремиться...

Кабан посмотрел на меня, могу поклясться, с благодарностью, Нааме – с нескрываемым интересом.

– Эли, – сказала она, присев на подлокотник кресла, – можно я буду звать так, по-простому? И ты зови меня по имени, идет?

Я кивнул, хоть и не был уверен, что смогу обратиться к этой женщине, больше похожей на ангела, по-простому, без приставки «гэврэт». Рядом с ней я чувствовал себя каким-то недоделанным.

– Ты говоришь, у тебя нет цели? – спросила она, приближаясь. От нее пахло духами с табачной ноткой; этот запах резко контрастировал с ее эфирным обликом, но при этом составлял с ним потрясающе гармоничный ансамбль. – А мечты? Ведь у тебя есть мечты. – Она не спрашивала, она утверждала и, видя, что я готов не согласиться, добавила: – Просто ты сам себе запретил мечтать. Разве нет?

Я молчал, потому она продолжила:

– Любовь к небу, восхищение звездным пологом, желание взмыть выше облаков – тебе это не знакомо? По глазам вижу, что знакомо, они вспыхнули, стоило мне заговорить об этом. Но на пути к твоей мечте стоит, как тебе кажется, непреодолимое препятствие – чувства твоего отца.

– И что толку в таких мечтах? – произнес я с досадой, по-прежнему не глядя на Нааме. – С таким же успехом я могу захотеть стать Машиахом. Если сказать горе – подымись и ввергнись в море, гора не сдвинется ни на миллиметр, как бы сильно ты ни верил...

Краем глаза я заметил, что Нааме смотрит на меня с интересом. Сейчас она стояла так близко, что я видел, как поднимается и опускается под блузкой ее грудь.

– А тебе хотелось бы сдвигать горы? – тихо осведомилась она. – Или силой мысли останавливать многотонные кометы? Это твоя магия, которой ты грезил в детстве, когда другие читали крамольные для всякого израильтянина фэнтези про эльфов и магов, да?

Я опять непроизвольно кивнул, чувствуя легкую панику, – если это интуиция, то она у Нааме сверхъестественная. В детстве, наслушавшись от отца историй о кометах и болидах, я нафантазировал себе такое... мне казалось, я знаю пути, по которым бродят вечные скитальцы небес, казалось, что могу одной только силой воображения менять эти траектории.

Чушь, конечно.

– Знаешь, Эли, очень многое из того, что кажется нам невероятным, вполне возможно. – Нааме повернулась к окну, выходящему на восток, откуда на

интернат надвигалась ночная тьма в саване, сотканном из теней Эдомских гор. – Когда-то в далекой стране один отец сказал, что если бы Всевышний хотел, чтобы люди летали, он сделал бы их крылатыми. А через несколько лет его сыновья смастерили первый в мире летающий аэроплан...

Она обернулась ко мне так быстро, что я вынужден был взглянуть ей в глаза. Они были голубые и напоминали светлый сапфир.

– Эли, Эли, – сказала она. – У некоторых вроде бы сложных задач бывают очень простые решения. Да, я не представилась: сэранэт Нааме Олимта, Зроа ве-ха'Халаль.

Ни фиги себе! Каждый ребенок знает, как называется BBC Израиля – «Хель ха'Авир» но в составе BBC уже давно, почти семьдесят лет, числится «ве-ха'Халаль» – космическая группировка. Официально она включает несколько десятков спутников различного назначения, неофициально...

Когда ООН вынудила Израиль (вместе с пятью другими странами – новичками ядерного клуба) ликвидировать свои ядерные заряды, мы сделали ставку на высокоточные системы. Поговаривают, в их числе есть и орбитальные бомбардировщики. Конечно, все это тайна, запечатанная печатью царя Шломо, но что-то время от времени просачивается по неофициальным и полуофициальным каналам. Так, стало известно, что незадолго до моего рождения ВКС и BBC разделили и в ВКС назначили собственного командующего в ранге тааль[33 - Тааль – бригадный генерал; примерно соответствует генерал-майору.]. Ведь не ради десятка спутников, правда?

– Удивительное дело, кацин-якар, – обратилась Нааме к кабану, – вот Эли и таких, как он, можно по пальцам пересчитать не только в Израиле, но и во всем мире. И он среди них – один из лучших, если не лучший. Камень, отвергнутый строителями вроде вас, будет поставлен во главу угла. Когда-нибудь его имя прославится, можете не сомневаться. И им будет гордиться весь народ, как Иланом Рамон, даже больше. Есть вероятность, что его нога первой коснется поверхности иной планеты, не нашей «домашней» Луны и даже не уже хорошо освоенного Марса... Нас ждут другие миры – и первыми их могут увидеть глаза вот этого «бесполезного» мальчика, запрещающего себе мечтать о небе!

– Мы что, опять начинаем космическую гонку? – удивился кабан. – Но ведь это дорого, даже США, Россия и Китай...

– Мышь легко проскочит в город, безуспешно осаждаемый сильной армией, – улыбнулась Нааме.

Я подумал, что она говорит о моем будущем так, словно я уже согласился на предложение, которое еще даже не высказали. А еще я понял, что да, больше того: предложи она мне живым сойти в геенну, я бы согласился. Ради сапфиров ее глаз я бы и до шеола дошел...[34 - Шеол – самый последний уровень ада в иудаизме (геенна, соответственно, самый мелкий); пламя шеола в пятьдесят миллиардов раз сильнее земного и в миллиард раз сильнее того, что в геене.]

– Эли, Эли, – вновь обратилась ко мне Нааме, – твой отец не хотел, чтобы ты стал летчиком, но ты и не будешь им. Тебе предстоит отправиться к звездам. Мечтал ли ты о таком? Думал ли соединить воедино две свои страсти?

«Три», – подумал я, отрицательно качая головой. Передо мной открывается небо, полное звезд, и открывает его самая прекрасная, самая желанная женщина на Земле.

Хотя, может, она тоже неземная? Уж не ангел ли спустился с хрустальных небес к одинокому юноше? Конечно, ангелы приходят не без боли, не без крови, и для общения с ними всегда приходится чем-то жертвовать. Но я готов на любую плату.

* * *

– Когда мы летим? – спросил я, когда все формальности, на сей раз уже с командиром части, были улажены.

– Летим? – спросила она, улыбаясь. – Хотя ты прав, до вашего интерната можно только по воздуху добраться. Давай вылетим прямо сейчас, ты не против? Или тебе нужно собраться?

– Да что мне собирать? – пожал плечами я. Вещей у меня было немного. – Минут за пять управлюсь. Просто ведь ночь...

– Ночь – это самое прекрасное время, – ответила Нааме. – Я люблю ночь намного больше, чем суетливый день.

Мы шли к комплексу общежитий. Наверно, если бы кого-то другого вызвали к мелиханам[35 - Мелиха – начальство, мелихан – начальник (жаргон).] так надолго, братва волновалась бы, но на Элиаху всем чихать. Меня никто не ждал. И покидать это место мне было ничуть не жаль. Особенно ради такой цели и в такой компании!

– Но вы точно не устали? – спросил я.

Она рассмеялась:

– Элиаху, а ты еще не понял? Такой умный, такой недогадливый...

Она наклонилась к моему уху, и у меня голова закружилась от запаха ее парфюма и тепла щеки:

– Я такая же, как ты, и все мы особенные. Открою секрет – тебя ждет звездное будущее, но не в Зроа ве-ха'Халаль.

– Как?! – Я даже не понял, что чувствовал, может, обиду, но сердцем понимал, что Нааме меня не обманет – в главном, конечно.

– Все, что я сказала о твоём будущем, правда, – тихо произнесла она. – Ты действительно ступишь на другую планету. Это случится, и будет даже больше того, я пока не могу рассказать обо всем. Но не ради «Зроа ве-ха'Халаль» – у Израиля действительно нет ресурсов для космической программы. Ни у одной страны мира их нет. Человечество замуровано между Марсом и Венерой, но маленькая мышка проскочит внутрь осажденного города. Элиаху, люди, с которыми ты жил все это время, чужие тебе, но я приглашаю тебя в твою семью. Твою и мою. К таким, как мы, к тем, кто говорит с нами на одном языке. И вместе мы отправимся к звездам, согласен?

– Да, – ни минуты не колеблясь, выпалил я. Я не питал особой привязанности ни к чему на Земле. У меня не было ничего такого, о чем бы я пожалел.

– Кстати, я не узнала о тебе только одно – у тебя есть прозвище?

Я отрицательно покачал головой:

– Нет. И не было никогда.

– Так не годится, – нахмурилась Нааме. – У всех должно быть новое имя. Хочешь, я сама его тебе придумаю?

– Конечно! – с энтузиазмом ответил я, чувствуя неведомое мне ранее, разливающееся внутри счастье. Она приподнялась на цыпочки и провела пальцами по моим щекам, словно выполняя какой-то ритуал.

– Я буду звать тебя Бракиэль, – тихо проговорила Нааме. – Тот, кто глядит в небо.

Фридрих Вайсманн : раз, два, твой ангел заберет тебя

Даже для здорового, полного сил человека лестницы нашей миссии – сущее наказание. Говорят, этот монастырь построили босые кармелиты, один из самых суровых монашеских орденов. Они сами носили тяжелые камни, поднимали их на леса и укладывали, радуясь труду, и архитектура их миссии была выбрана таким образом, чтобы те братья, которые придут в уже построенное здание, несли не меньшие тяготы. Отсюда крутые и узкие ступеньки, тесные коридоры, низкие потолки и притолоки, которые с недавних пор стали моей головной болью в буквальном смысле этого слова. Я о них постоянно бьюсь лбом. Не привык еще...

А уж добраться до миссии из города, лежащего под нами, – сущее мучение. Местами приходится карабкаться, как обезьяна. Поэтому я всю жизнь провел в этих стенах, а город видел только через узкие, похожие на бойницы окна.

Сейчас, однако, монастырь принадлежит братьям-камиллианцам, и что бы они ни говорили, я знаю, в душе они проклинают своих ревностных предшественников за такую неумную жажду укрощения плоти. Не могу с ними

в этом не согласиться: для меня в тягость даже правила нашей обители. Надо додуматься – отдать столь непригодное здание ордену, чья основная функция – забота о больных, немощных и увечных! При миссии живет несколько десятков пациентов-послушников, в основном дети-инвалиды, среди которых до недавних пор был и я, и небольшое число стариков и калек. Помню, когда мне было лет шесть, в миссию приезжала чиновница из столицы (после ее визита у нас появились дизель-генератор и Интернет). Когда она прошла по кельям послушников, ее замутило. Когда увидела Пабло – ей срочно пришлось искать уборную. Пабло – обрубок: у него нет рук, ног и глаз. Говорят, и не только этого, но я не знаю. Пабло пострадал в каких-то «разборках» внизу. Иногда он слезно просит окружающих подарить ему смерть. Я его понимаю – лучше вовсе не жить, чем так. Я читал в Интернете, что уже лет двадцать существуют киберпротезы, способные заменить руку, ногу и даже глаз. Но у общины нет таких денег, их нет даже на допотопный механопротез, которые время от времени продают на вторичном рынке. Вот поэтому бедный Пабло не живет, а мучается. Я к нему иногда захожу, читаю вслух. Со мной он хотя бы не плачет, даже забывается, а один раз рассмеялся беззубым ртом.

Наверно, они действительно страшные: Пабло, бывший пожарник Миру, у которого лицо сгорело до кости, безбородый Нанду, питающийся через трубочку в горле, – это старшие. Младшие им под стать. У Лео ДЦП, он похож на искореженное дерево, а его лицо напоминает морду горгульи. Энрике родился без рук, вместо них две культяпки. Самый маленький, Хорхе, – гидроцефал. Когда ему было два года, туловище и голова у него оказались одинаковы по размеру. А Деу похож на маленького старичка – у него прогерия, он за год стареет на пять лет. Его мать была больна СПИДом, отсюда и болезнь...

Если вы увидите меня сейчас, то, наверно, не поймете, что я делаю в этом скорбном месте. Но это только потому, что вы не знаете, каким я был раньше. Никто этого не знает, кроме монахов и их подопечных. Ни те ни другие, по понятным причинам, никому не расскажут. Именно потому меня и удивило то, что случилось со мной в тот день. Даже больше, чем то, что произошло без малого месяц назад, когда случилось чудо. Вот только к этому чуду я был готов, а события того дня застали меня врасплох.

Я поднимался по крутой лестнице, и каждый шаг был для меня мукой и радостью. Мукой – потому что ноги словно свинцом налились, и для того, чтобы сделать шаг, приходилось прилагать немалые усилия. Мне и стоять-то сложно, но я стою, хожу и вот даже по лестнице карабкаюсь, а в будущем, наверно,

смогу спуститься в город. А радостью – потому что я сам этого добился.

Мне давным-давно был объявлен приговор – полный паралич нижних конечностей. Это то, что я знаю, а почему и как со мной это произошло – тайна, бдительно охраняемая братией миссии. Сколько себя помню, я не чувствовал ног. Почти не чувствовал – иногда какой-то дискомфорт, боль, покалывание достигали моего мозга, но в целом ноги являлись балластом.

Во снах я ходил, бегал, прыгал, как все обычные дети, но только во сне. Наяву я даже не представлял себе, как можно поднять ногу. Я видел ее, но по ощущениям ее не было. Мои ощущения заканчивались на уровне паха.

Наверно, живи я с обычными детьми, посещай обычную школу, я оказался бы намного несчастнее. Когда не знаешь, что ты потерял, потеря ощущается не так остро. Я много читал – у монастыря прекрасная библиотека, а потом и Интернет появился, – но все то, что касалось движения, оставляло меня до поры до времени равнодушным. Я с головой окунулся в учебу, которая давалась мне легко благодаря одной моей особенности – я с фотографической точностью запоминаю однажды увиденное и прочитанное и мне не составляет труда вспомнить все это даже через десять лет. Один из монахов обучил меня математике, а физику и химию я освоил сам. Равно как и программирование, насколько позволяли допотопные монастырские компьютеры и очень урезанная сетка. Мы даже в Интернет выходили по какому-то радиоканалу, что в наше время дикость с учетом дешевизны оптоволокна и обилия спутниковых каналов передачи данных.

В один из пасмурных майских дней все изменилось – потому что я увидел сон. В то время мне исполнилось четырнадцать. За все эти годы женщин вживую я видел несколько раз, да и в Интернете нечасто – у нас все-таки очень ограниченный доступ к Сети, у сервера, если это чудовище из двадцатых годов можно так назвать, выставлен белый список адресов, по которым можно заходить. Но если то, как выглядит женщина, я себе еще представлял, то ее запах или то, какая она на ощупь, – совершенно нет.

В тот день в миссию приезжал какой-то каноник чуть ли не из Рима – с частным визитом, цели которого я не знаю. Каноника я хорошо запомнил, потому что он мало походил на брата монастыря. Высокий, мускулистый, черный, как вакса, он был без одного глаза и прикрывал глазницу черной кожаной повязкой. Если бы не этот недостаток, он казался бы идеалом мужской красоты. Хотя я в этом

не разбираюсь, конечно.

Я был во внутреннем двореке – брат Симон вывез меня на коляске подышать свежим воздухом. Он ушел куда-то, а я спрятался под колоннаду – время от времени начинал капать неприятный дождь. Мимо проходил отец-настоятель со своим гостем. Аббат благодарил каноника за щедрые пожертвования, тот скромно отнекивался – дескать, за это следует благодарить Господа, Его Пресвятую Мать и их наместника на Земле. Он-де лишь смиренный служащий и выполняет высшую волю.

Увидев меня, каноник остановился так внезапно, что отец-настоятель не сразу понял, что произошло, и сделал пару шагов, прежде чем тоже встать.

– Этот юноша – один из ваших послушников-пациентов? – спросил каноник.

Аббат ответил утвердительно.

Каноник вздохнул:

– Вдвойне отрадно видеть, что те скромные средства, кои мы вам передали, пойдут на помощь таким несчастным. Посмотрите на этот благородный лик! Видя его, сразу вспоминаешь, что человек создан по образу и подобию...

– Амен, – откликнулся аббат, глядя на меня так, словно видел впервые.

Каноник подошел ближе.

– Дитя мое, – сказал он. – Мне жаль видеть тебя столь немощным. Я хотел бы сесть в эту коляску вместо тебя, лишь бы ты мог пересечь своими ногами хотя бы этот дворик!

– Вы ее развалите, – буркнул я невпопад; иногда я такое ляпну, не подумав, за что потом стыдно. – Коляску, в смысле.

Сказал – и перепугался: а что, если каноник рассердится? Я по глазам... по глазу этого человека видел, что его сочувствие не наигранное. Не совсем наигранное. Он действительно мне сочувствовал – но кроме того, был чем-то удивлен и

заинтересован, и это что-то касалось меня. А я ему нагрубил...

– Как хорошо, что ты не теряешь присутствия духа, – вместо того чтобы рассердиться, улыбнулся мужчина. – Сам Господь любил пошутить. Достаточно вспомнить случай со святым Павлом на пути в Дамаск... – Он вздохнул: – Дитя мое, когда Христос велел Лазарю восстать, Он говорил, зная, что несчастный восстанет. И я верю, что ты сможешь подняться со своего одра, взять его и отнести в келью. Не сегодня и не завтра, а тогда, когда сам в это поверишь.

– Это потому, что вы не читали моей медицинской карточки, – ответил я. – Там черным по белому написано – атрофия нервных окончаний нижних конечностей. Братия учит меня со смирением относиться к этому – не могу я ходить, но Бог дал мне другие таланты, а мои желания...

– Не стоит недооценивать свои желания, – сказал каноник. – Если в них нет греховного, то, возможно, Бог так дает тебе понять, что ты можешь чего-то добиться? Если бы нищий слепец не бежал за Христом, то никогда не прозрел бы. Если бы женщина не прошла сквозь толпу, чтобы ухватить края ризы Христа, – она бы умерла от своей болезни. Но самое худшее – тогда не случилось бы чуда...

– А вы верите в чудеса? – спросил я, уставившись ему точно в переносицу. Когда смотришь на переносицу, собеседник думает, что ты заглядываешь ему прямо в глаза.

– Увы, – сказал он, улыбаясь. – Я не могу верить в чудеса. Вера предполагает незнание, а я знаю. Я видел Плоть и Кровь в Ланчиано, я был в Лурде и сам касался плащаницы.

– Монсеньор, – сказал аббат с благоговением, – я не знал. Позвольте мне в свою очередь прикоснуться к краю вашей мантии, чтобы хоть немного святости, которую...

– Я не апостол Петр, чтобы исцелять тенью, – ответил темнокожий каноник. – Я всего лишь скромный служащий Конгрегации и чаще подвергаю чудеса сомнению, чем их удостоверяю. Но тех, что я видел, хватило с лихвой.

– А сколько всего вы видели? – спросил я опять невпопад.

– Триста шестьдесят четыре, – сказал он, и я подумал, что у него странный акцент, тягучий, словно он наслаждался каждым произнесенным словом. – На одно меньше, чем дней в году. – Внезапно он подмигнул мне: – И я очень надеюсь, что когда-нибудь засвидетельствую триста шестьдесят пятое. Например, мальчика, исцелившегося от атрофии нервных окончаний.

Он наклонился ниже и сказал:

– *Inpossibilia sunt apud homines possibilia sunt apud Deum*. Не так страшно потерять глаз, как надежду, помни это.

И еще раз подмигнул, а потом благословил меня.

* * *

В ту ночь мне приснился сон, который многое изменил в моей жизни и которому суждено было стать для меня вещим. Я часто вижу яркие и красивые сны, ведь сон – это убежище для тех, чья жизнь окрашена в мрачные тона. Когда ты заперт в унылом каменном мешке для умерщвления и без того не особо живой плоти, а большой мир видишь только сквозь узкие окна-бойницы и столь же узкий канал Интернета с небольшим числом дозволенных переходов, сон – единственное место, куда можно убежать. Но в тот день я не хотел прятаться. Визит каноника меня странно взволновал. Этот человек казался мне посланником из какого-то другого мира, куда более приветливого, чем тот, в котором прозябал я сам.

Перед сном, перебравшись на узкую койку, я много думал и над словами каноника, и над тем, как я его воспринимал. Посланник – по-гречески будет «ангел». Черный одноглазый ангел, его вид должен был меня напугать, но я обрадовался ему, как обрадовался бы настоящему ангелу. Я заснул, думая о том, какими бывают ангелы, и сам не заметил, как оказался в другом месте, еще более мрачном, чем то, в котором я жил.

Вероятно, это было какое-то подземелье – но столь обширное, что походило на древний пещерный город. Вот только стены этих пещер оказались железобетонными, а вместо наскальных рисунков их покрывало то, что, как я потом узнал, называлось граффити.

Я видел (снизу вверх) толпу бритоголовых людей в серых комбинезонах. Среди них нашлись женщины. Кстати, несколько женщин были увечны – у них не хватало руки или ноги, иногда и двух конечностей сразу. В числе мужчин калек почему-то не наблюдалось.

Эти люди были страшно неухоженными, от них несло вонью давно немытых тел. Лица их искажали гримасы боли и ненависти, и ненависть эта была направлена на меня.

– Вот он! – орали они. – Сын дьявола!

Мне хотелось возразить, сказать, что я не имею никакого отношения к дьяволу, наоборот – я честный католик и, скорее всего, стану монахом, но язык отчего-то не повиновался.

– Все они антихристы! – кричала противным каркающим голосом безрукая женщина (вместо одной руки у нее был примитивный киберпротез, известный как «рука пупса» – таких, уродливых и малофункциональных, больше не выпускают). – Дьявол хотел создать армию из наших детей, а мы жертвовали ему свою плоть! Мы вкладывали свои силы в то, чтобы создать этих «суперлюдей». Нам следует остановить их, уничтожить! Дьогу, чего же ты медлишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Здесь и далее стихи Алекса Вурхисса.

2

Ма'бэби – моя девушка, гёрлфренд; молодежный сленг США.

3

'Айфолкс – старшее поколение, предки, старики. Происходит от hi folks.
Молодежный сленг США.

4

Jack o'lantern – хэллоуинская тыква, украшение на праздник Хэллоуин, празднуемый на Западе. Тыква с вырезанной на ней устрашающей маской. В переносном смысле – пустая голова, тыква.

5

Имеется в виду Пентагон. Тонкая ирония Поля заключается в том, что под дыркой может пониматься как внутренний дворик, так и пролом, получившийся в результате атаки 9/11.

6

Акаб – то же, что и коп, но с более негативной окраской. Происходит от аббревиатуры ACAB – all cops are bastards. Молодежный сленг США.

7

Факн'тича – иронично-уничижительное наименование школьных учителей и лиц с подобным же стилем преподавания (близкий аналог – российское слово «училка»). Молодежный сленг США.

8

Дюймов (примерно сорок на тридцать сантиметров).

9

М'бадди – дружище, приятель. Молодежный сленг США.

10

Racco di merda – экспрессивное итальянское выражение; буквально: «кусоч дерьма»; используется очень широко.

11

«Piaggio Tірhооn» – семейство итальянских мотороллеров.

12

Cazarolla – экспрессивное итальянское выражение, примерный перевод: «черт возьми», «пропади оно пропадом».

13

Va fa'n'culo – экспрессивное итальянское выражение, примерный перевод: «шел бы он куда подальше».

14

Che cazza – экспрессивное итальянское выражение, примерный перевод: «какого хрена?»

15

Figlio di putana – экспрессивное итальянское выражение, примерный перевод: «сукин сын».

16

Uno cazzo – экспрессивное итальянское выражение, примерный перевод: «один хрен».

17

Бемцалки – собирательное название активных и пассивных устройств (жаргон).

18

Puzza il caccare cane – экспрессивное итальянское выражение, примерный перевод: «воняет, как помочная собака».

19

Acciaio dei poveri – «сталь для бедных», обиходное название порошкового металла для 3D-печати.

20

Bucco di culo – экспрессивное итальянское выражение, примерный перевод: «Вот задница!»

21

Теп'cazzo – экспрессивное итальянское выражение, примерный перевод : «фигушки».

22

«Чентауро» – боевой броневедомобиль итальянских карабинеров.

23

Умножающий мудрость умножает печали (Екклезиаст 4:6).

24

Оксюморон – в переводе с французского – «ангел зла», бессмысленное выражение вроде «живого мертвеца» или «круглого квадрата».

25

ГАДНА – добровольческая молодежная организация в Израиле, готовящая подростков от 13 до 18 лет к службе в Армии Израиля.

26

ЦАХАЛ – Вооруженные силы Израиля.

27

Пибер – от аббревиатуры PBR, патрульный катер, жаргонное название небольших быстроходных катеров ВМС Израиля.

28

Тиронут – общеобязательный курс начальной военной подготовки в ЦАХАЛ.

29

Мишигене (иврит) – чудака, странный (жаргон).

30

Гала, Тэмми – израильская певица, актриса и скрипачка конца XXI века. Известна своими красочными гала-шоу и откровенными фотосессиями (3D-модель обнаженной Тэмми имеется в свободной продаже).

31

Гэврэт-кцина – госпожа офицер. Обращение к старшей по званию женщине-офицеру.

32

Кацин-якар – дословно – «дорогой офицер». Неофициальный паллиатив выражения «товарищ офицер», применяемый между незнакомыми людьми, равными по званию, в неофициальной обстановке (или начальником по отношению к подчиненному). Широко употребляется с 50-х годов XXI века.

33

Тааль – бригадный генерал; примерно соответствует генерал-майору.

34

Шеол – самый последний уровень ада в иудаизме (геенна, соответственно, самый мелкий); пламя шеола в пятьдесят миллиардов раз сильнее земного и в миллиард раз сильнее того, что в геене.

35

Мелиха – начальство, мелихан – начальник (жаргон).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/oleg-roy/odnazhdy-my-pridem-za-toboy>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)